

ИНЖЕНЕР

В ВИХРЕ
ВРЕМЁН
Небесный хищник

Андрей ВЕЛИЧКО

Кавказский принц

Андрей Величко

Инженер. Небесный хищник

«Махров»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Величко А. Ф.

Инженер. Небесный хищник / А. Ф. Величко — «Махров»,
2018 — (Кавказский принц)

ISBN 978-5-04-095895-5

Русско-японская война закончилась победой, революция пятого года не состоялась, и даже племянница ухитрилась стать королевой. Казалось бы, инженеру Георгию Найденову самое время почивать на лаврах... Но он опасается, как бы теперь не стало хуже, чем было, ибо неудачи мобилизуют, а победы, наоборот, расслабляют. И сейчас ему надо быстро решить, с кем «дружить» за пределами России — с Англией, Турцией или Францией? А с кем внутри — с эсерами, большевиками или анархистами? И, главное, с применением каких именно методов и средств поражения «дружить», чтобы никто не ушел обиженным! Другое название «Гатчинский коршун».

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-095895-5

© Величко А. Ф., 2018
© Махров, 2018

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	32
Глава 8	36
Глава 9	41
Глава 10	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Андрей Величко

Инженер. Небесный хищник

© Величко А. Ф., 2018

© ООО «Издательство «Яуза», 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Пролог

Литературно-политическая газета «Санкт-Петербургские ведомости» от 21 июля 1904 года:

... так какая же это победа, спрашивают некоторые недалекие люди, когда не было победоносных сражений, мы не занимали вражеских столиц, не прирастили территории, не получили контрибуции, наконец? Давайте попытаемся им ответить...

Итак, что можно считать победой в войне? Ответ тут однозначный – это когда достигнуты цели войны. А какие цели были у подвергшейся нападению России? Первая – отбить это нападение. Вторая – сделать так, чтобы его повторение в обозримое время стало невозможным. Эти цели достигнуты, так зачем нам еще какие-то территории – у России что, своих пустых земель мало? А по поводу контрибуции...

Да, многие военные обоснованно считают, что, если бы наши войска после июньской бойни перешли в наступление и под Мукденом, и под Порт-Артуром, можно было бы спокойно поднимать вопрос о контрибуции. Но в остальном-то мир остался бы тем же самым! Автор этих строк лично присутствовал на встрече Его Императорского Величества Георгия Первого с журналистами и услышал там вот что: «Наступлений без потерь – и больших потерь – не бывает. А результатом этого наступления и последующего разгрома японских армий были бы только деньги. Я не согласен менять на золото жизни наших солдат и уверен, что они в этом меня поддерживают».

Надеюсь, все сомнения о том, что результатом японской войны стала наша победа, больше не будут приходить в головы мыслящим людям. Но давайте подумаем: а какая это была победа? И сразу получим ответ: одна из величайших в истории! Ибо ни одна большая война еще не оканчивалась столь малыми потерями у выигравшей стороны. И они, эти потери, были не напрасны. Попробуйте сейчас найти в мире страну, которая осмелится напасть на Россию! Наши солдаты, моряки и летчики наглядно показали всему миру, чем кончаются агрессии против нашей могучей державы...

Из радиопереговоров Его Императорского Величества Георгия I с Государственным Канцлером князем Найденовым Порт-Артурским:

ЕИВ: – Да долго ты там еще будешь возиться? Оставь шлифовать детали Дурново и двигай в Питер, из-за тебя до сих пор дата свадьбы не назначена.

ГК: – Ну, блин, величество, ты и даешь. Я, конечно, понимаю, любовь там... Поимей терпение, примерно неделя осталась. А если невтерпеж, женись без меня, переживу.

Глава 1

Насчет недели – это я по своей всегдашней привычке просил срок с запасом, переговоры в Циндао были уже практически завершены, послезавтра, тьфу-тьфу, будем мирный договор подписывать. Пока только сам договор, секретный протокол к нему предполагалось разработать без спешки и в Гатчине.

По договору Корея признавалась исключительно японской зоной влияния. Про Ляодунский полуостров было сказано, что теперь там допускается присутствие японских вооруженных сил – а в секретном протоколе предстояло расписать график вывода нашего флота из Порт-Артура и механизм передачи прав аренды на часть территории.

– Отсюда можно сделать вывод, что у вас есть артиллерия с эффективной дальностью стрельбы в двадцать два километра, – с кислой миной сказал мне принц Ито, глядя на карту Ляодуна с нанесенной границей японской и российской зон влияния.

Я пожал плечами – типа у меня много чего есть, все так сразу и не упомнишь...

Дальний оставался нашим.

Курильские острова становились королевством, где на троне восседала королева Мария Первая. Это королевство входило в состав Черногорской Империи на правах вассала.

Маньчжурия полностью сохраняла свой довоенный статус, но в секретном протоколе предполагалось прописать условия участия Японии в освоении ее природных богатств.

– А что за необязательный пункт, о котором вы говорили при первой встрече? – поинтересовался принц.

– Это... – запнулся я. Ну что мне мешало получше запомнить имя принцессы! Так как же ее зовут, а, кажется, вспомнил...

– Заранее прошу прощения, – продолжил я, – если предлагаю что-нибудь неприемлемое, вы сразу скажите, настаивать не буду. Но не поженить ли нам русского принца и дочь микадо? Я имею в виду принцессу Макако.

– Может быть, Масако? – осторожно уточнил Ито.

– Разумеется, это просто неточность перевода. Так что подумайте, в случае интереса – сразу ставьте в известность меня...

Когда мирный договор был уже подписан, при прощании с Ито я сказал:

– У меня вообще-то было еще одно предложение по секретному протоколу, но оно предполагалось к озвучиванию только после достижения взаимовыгодных соглашений по всем остальным вопросам. И мне представляется, что уже можно... Суть его вот в чем. Извините за прямоту, но воевали вы в основном английским оружием. Однако в новых условиях у вас могут возникнуть финансовые трудности при продолжении этого же курса... Я предлагаю вам помощь России в вопросах развития вашей военной промышленности. Надеюсь, по результатам военных действий вы не сомневаетесь, что наше оружие как минимум не хуже английского?

– И вы будете поставлять нам новейшие образцы и оборудование для их производства? – не поверил принц.

– Те, что еще только в разработке, – не обязательно, хотя и возможно. Но уже поступившие на вооружение нашей армии – да.

Разумеется, я говорил чистую правду. Принц ведь не спрашивал меня о том, что Россия, кроме армии, собралась обзавестись еще корпусом быстрого реагирования, куда и будут поступать новейшие образцы всего, включая танки и самолеты...

В Питер я вылетел на присланном за мной новом борту «N1», то есть наконец-то закончившем испытания «Кондоре». По основным параметрам (кроме дальности, она была увеличена втрое за счет полезного груза) этот самолет примерно соответствовал «Ю-52», то есть уже мог обеспечить вполне приемлемый уровень комфорта. Провожаящий меня Ито с опаской переводил взгляд с воздушного гиганта на стоящую рядом с ним и кажущуюся совсем маленькой «Кошку» – видимо, вспоминал, что наделали в Сасебо всего три этих малышки, и прикидывал, что смогут при желании учинить десяток-другой «Кондоров»... Разницу между пикирующим бомбардировщиком и гражданским самолетом я ему объяснять не стал.

Почти весь полет ушел на радиоругань с Гошей – тому приспичило устроить из моего прилета шоу на тему чествования героев войны. Наконец уже в районе Казани удалось убедить величество, что для этого гораздо лучше подходят калединские отпускники по ранению, эшелон с которыми уже проехал Красноярск. Так что в Гатчине я сел тихо, без всякой помпы, и отправился обживать свое крыло дворца, в котором и был-то всего несколько раз.

Естественно, обжитие началось беседами с интересными людьми. Первый из них, Бенья, слегка огорчил меня сообщением, что секретарь Ламсдорфа наконец-то найден, но увы – в несколько неживом виде... Но покойник качественный, идентификация удалась на сто процентов. Однако не успел я толком погоревать по этому поводу, как Татьяна доложила, что ее служба нашла еще один труп того же секретаря, причем даже лучшего качества, чем найденный шестым отделом. Это уже вселяло оптимизм – если человек так разбрасывается своими трупами, то есть основание продолжать поиски, ибо для покойников такое поведение несколько нехарактерно.

Вечером я отправился в Аничков дворец навестить вдовствующую императрицу Марию Федоровну. Так как она уже вполне оправилась от последствий отравления, то утром, по возвращении в Гатчину, я завалился спать до обеда. Да, пожалуй, до свадьбы сына Мари выбыла из политической жизни, думал я, анализируя наш с ней обмен мнениями. Чем-то они там с Машей не сошлись в вопросе, сколько сантиметров до пола не должна доставать юбка невесты, так что я был строго озадачен в кратчайшие сроки повлиять на племянницу. Решив, что позиционная оборона в данном случае не годится и нужно контрнаступление, я поинтересовался, в каком именно из своих кошмарных официальных нарядов предстанет сама императрица. Вроде же договорились, любимая, с невинным видом продолжал я, что ты будешь изображать умирающую старуху только две недели после покушения, а тут уже третий месяц пошел... Поэтому хрен с ней, с племянницей, пусть про нее у Гоши голова болит, а я хочу предстать на данном мероприятии в обществе прекрасной молодой женщины, а не живого памятника позапрошлому царствованию.

– Ты что, хочешь, чтобы я вырядилась во что-то подобное наряду невесты? – с подозрением спросила Мари.

– Разумеется, нет. Наряд невесты подразумевает некое целомудрие, которым она должна выделяться из остальных дам... У тебя тут Машины рисунки есть?

Конечно, они были, и я быстро перелистал эскизы. Ага, этот вроде ничего...

– По-моему, вот это тебе пойдет, у тебя очень красивые ноги, – предположил я, подавая ей рисунок длинноногой секс-бомбы в мини-юбке и кургузом жакетике, кончающемся примерно в области диафрагмы. Переждав бурю возмущения, я перешел к следующему эскизу...

В общем, мне хотелось надеяться, что хотя бы сомнения я зародил. Потому как ну надоело мне хуже горькой редьки постоянное созерцание дам, подметающих пол подолами своих юбок!

Но все это было вчера, а сейчас, проснувшись, я сел обедать и заодно послушать свежие новости от Татьяны. Кроме всего прочего, ей было поручено присматривать за семьей покойного Ники – как во избежание, так и вообще. И вот сейчас, за чашкой кофе, она рассказала мне, что прошедшим вечером у Алисы родился сын. Разумеется, все медики в Петергофе так или иначе работали на нее, так что уже имелся подробный доклад о состоянии новорожденного. Он появился на свет несколько недоношенным, но абсолютно здоровым! Ни малейших признаков гемофилии у младенца не было. Окончательно все пошло наперекосяк, резюмировал я про себя, тут уже и дети не те рождаются... Но вообще-то я был рад за Алексея. Правда, ситуация требовала анализа. Ну и что, что прав на престол у младенца нет – Аликс особа такая, мало ли что ей взбредет в голову, а тут и оппозиция какая-нибудь подоспеет. Ждать развития событий или превентивно ее слегка припугнуть?

Ждать, решил я, немного подумав. Пусть пока посидит с дитем, пару-тройку фрейлин ей Танечка презентует, и посмотрим, кто начнет навещать эту вторую вдовствующую императрицу.

Ну а потом мы потратили минут двадцать на устройство личной жизни самой Татьяны. Дело было в том, что ей теперь предстояло жить в основном в Петербурге. А муж пребывал в Георгиевске, замом у Тринклера! Что меня удивило, так это то, что Танечка, кажется, даже немного сучала...

Вообще-то в Питере было место как раз для Сергея Князева – здесь закладывался завод по производству судовых дизелей (точнее, тринклеров), именно по которым Сергей и был специалистом мирового уровня. Но кем его туда назначить? Директором и думать нечего, это не Тринклер, завалит все в первый же день. Главным инженером при толковом администраторе-директоре? Тоже нельзя, Сергей совершенно не умеет отстаивать свою точку зрения, а без конфликтов с администрацией не обойдется. В общем, Татьяна предложила дать своему муженьку зама по связям с людьми, оставив тому чисто инженерные функции. И не абстрактно, у нее уже были две кандидатуры, но она затруднялась с выбором. Вникнув в ситуацию, я предложил соломоново решение – пусть у главного инженера будет два зама. Один по связям с начальством, другой – с подчиненными... Ну а уж проследить, чтобы главного инженера невзначай никто не обидел, Татьяна прекрасно сможет и сама.

Так что я дал ей два дня на устройство семейной жизни, «Кондор» на этот же срок и пятьдесят тысяч на всякие связанные с переездом расходы.

Уходя, Татьяна оставила мне последние донесения Собакиной.

Оказывается, у той были интересные новости! Первая заключалась в том, что, как раз когда я сажился в «Кондор» для отлета из Циндао, к ней приехал муж, то есть де Хэвиленд. Его интересовали вопросы боевого применения «Спитфайров» и переделки, внесенные в конструкцию самолета Токигавой. Но вообще над Джеффри помаленьку сгущались тучи. Адмиралтейство не могло простить ему того, что английский истребитель в боях совершенно проигрывал русскому «Бобику»... Ей-богу, мне стало даже несколько обидно. Да что же эти уроды, они всерьез надеялись, что двадцатидвухлетний парень, получив от меня компоновку самолета, сделает его лучше моих творений? Ведь самолет – это сложный комплекс, оценивать который нужно по сумме параметров, про половину которых Джеффри и знать не знал! Он решил, что истребителю нужна горизонтальная маневренность, и его «Спит» действительно выразил лучше «Бобиков». Но это привело только к тому, что наши навязывали японцам бой на вертикалях, к чему те были совершенно не готовы... В общем, по большому счету самолет де Хэвиленда был не так уж плох, но высоким шишкам требовалось срочно найти виноватого. Во исполнение этого плана было заявлено, что главным качеством истребителя является скорость, а в фирме «ДХ» этого не поняли, ату их...

«Роллс-Ройс» увидел в этом хороший шанс и решил влезть в склоку со своим проектом сверхскоростного истребителя. Почитав описание проекта в пересказе Ксюши, я долго и весело смеялся. Сердцем нового самолета был новый мотор. Четырехтактный, водяного охлаждения и аж о двенадцати цилиндрах. Расположены они были в один ряд... У меня просто не хватило воображения представить себе эту кишку. Хотя бы сначала автомобили научились нормально делать, а уж потом в небо лезли, подумал я. Но то, что на Джеффри покатали бочку, открывало неплохие перспективы.

Жаль, конечно, что этого уродца англичане задумали слишком рано. Если я прав и в ближайшее время мировой войны не будет, то к ее началу по опыту эксплуатации «роллс-ройсовского» чуда уже будет придумано что-то поприличнее...

Это, кстати, общая проблема вооружения любой страны – оно должно быть хорошим, то есть новейшим, и его должно быть много. Но даже богатейшая Англия не может позволить себе содержать свой флот постоянно на пике боеготовности, а уж мы – и тем более... То есть руководство должно четко знать, когда будет война, и именно к ее началу и готовить вооруженные силы. В этом смысле очень показателен опыт японцев – у них флот строился так, чтобы оказаться готовым и очень мощным именно в девятьсот четвертом году. Начнись война на год раньше или позже – их преимущество было бы под большим сомнением.

Я уверен – еще в девятьсот первом японцы уже не только знали, что будет война с Россией, но и когда она начнется.

Первая мировая война неизбежна, это мы примем за аксиому. А значит, надо сделать так, чтобы именно к ее началу у нас развернулось производство новейших на тот момент самолетов, танков и прочего... Надо точно знать, когда сворачивать опытные работы и запускать в массовую серию то, что будет к тому моменту. А это может означать только одно: дату начала Первой мировой войны должны назначить мы и сейчас.

Глава 2

Уф, ну наконец-то все, подумал я утром восьмого июля тысяча девятьсот четвертого года. Наконец-то величества женились друг на друге! Кстати, в силу отсутствия прецедента русская императрица теперь называется не по отчеству, а по номеру, то есть ее величество Мария Первая – все-таки действующая королева!

Свадьба вышла на славу. Сложно даже сказать, кто тут был главной звездой – Мари или Маша. Вдовствующая императрица буквально поразила весь Петербург как молодостью и красотой, так и небывалой смелостью своего наряда. Юбка открывала почти все сапоги! В общем, на меня смотрели с завистью...

Как и положено на приличной свадьбе, не обошлось без мордобоя. Я с сомнением оглядел сбитые костяшки пальцев на обеих руках – блин, аж вспомнить неудобно, как коряво я чистил рыло красавчику Сандро! Вот что значит четыре года без практики, надо собой подзаниматься, а то мало ли еще чему полезному разучусь...

Правда, Гоша был в некоторых сомнениях: мол, а хорошо ли это, вот так, на людях... Но Мари твердо сказала, что так и надо! Нечего, мол, было всякие скабрёзности говорить в ее адрес. Тем более на французском, который мне несколько незнаком, добавил я.

Но слава аллаху, праздник позади, до коронации еще два месяца, и можно спокойно заняться делами. Причем сегодня не всякими интригами в исполнении моих спецслужб, а мирным, созидательным, так сказать, трудом...

Я взял карандаш. Итак, мы имеем шестицилиндровый дирижабельный тринклер мощностью двести пятьдесят лошадей. Что можно сделать на базе этого механизма? Правильно, танк... Но какой?

От мысли копировать что-то из моего мира я отказался сразу – больно уж извилист оказался путь танкостроительной конструкторской мысли. Итак, что мы можем сами? Полноценное противоснарядное бронирование не потянуть, да оно и не особо нужно на первом этапе. Всяких колесно-гусеничных уродов плодить тоже не будем. Значит, исходя из скорости в тридцать пять км/ч, получаем максимально допустимый вес тонн в двадцать. Компоновка... хм. Почему не получила распространения с движком и коробкой спереди? Вроде так вполне разумно – дополнительная защита самого ценного в танке, то есть экипажа, компактность – не нужен кардан, боевое отделение объединено с моторным, управление опять же удобное... Движок, ясное дело, надо ставить поперек. Вооружение? Ну, пусть будет вариантным – часть короткоствольную трехдюймовку, а часть – сорокапятку под переделанные из сорокасемимиллиметровых бронебойных, которых на складах ну просто девать некуда. Да, и заранее понять – сможем мы в ближайшее время производить литые башни? Или лучше даже не пытаться, а сосредоточиться на сварке...

С местом производства будущих мирных тракторов уже было решено, и в Екатеринбург выехала группа для выбора конкретного места под стройку.

Раз мы собрались-таки делать танки, то понятно, что оставить их без грузовиков я никак не мог. Так что недавно сманенный из Германии в Георгиевск, на автозавод, Луцкой уже приступил к рисованию трехосной трехтонки под четырехцилиндровый вариант того же тринклера. Если дело пойдет хорошо, то успеем потом на базе грузовика сделать и полугусеничный транспортер.

Время до обеда пролетело незаметно, а после него я принимал Федорова с Мосиным.

– Мы уже начинали обсуждать проблему, – начал я, – но сейчас настало время определиться со стратегией развития российского стрелкового оружия. Как уже говорилось, у имеющегося сейчас патрона только одно достоинство: он дешевый и технологичный. Все остальное

– недостатки. Но с прошлого обсуждения появилась одна новость. В руководстве страны принято решение не допустить большой войны в течение ближайших шести-семи лет, и можно использовать эту паузу для перевооружения. Кроме того, заметно улучшившиеся отношения с Германией тоже открывают кое-какие перспективы... Владимир Григорьевич, вам слово.

– Мы сделали опытный образец пулемета под маузеровский патрон, – сообщил Федоров, – он получился на кило триста легче, на двадцать процентов дешевле и несколько надежней имеющегося. Кроме того, маузеровский патрон мощнее нашего, что вовсе не лишнее именно для пулемета. Но делать под него массовую винтовку... Не уверен, что это правильный путь.

– Я обдумал ваше предложение насчет промежуточного патрона уменьшенного калибра, – начал Мосин, – и могу сказать, что шести лет мира для перехода на него мало. Нужно вдвое больше, или мы к войне останемся без винтовок и патронов. А вот ввести промежуточный трехлинейный патрон можно и успеть. Я заканчиваю карабин под него, через месяц смогу представить на испытания. С автоматом – мне нужно еще три месяца, и все равно о их массовом производстве речи пока быть не может.

– Значит, – предположил я, – тогда следует принять примерно такой стандарт для формирующихся частей. Стрелковое вооружение – треть автоматы под маузеровский пистолетный патрон, две трети карабины под трехлинейный промежуточный. В каждой роте – пулеметный взвод плюс еще несколько снайперов, это под маузеровский винтовочный. В полку – батарея легких минометов – это те, что у нас уже есть. В дивизии – артиллерийский полк, вооруженный пушками, гаубицами и тяжелыми минометами.

– В вашей системе вообще не предусматриваются автоматы под промежуточной патрон? – поинтересовался Мосин.

– Только для специальных частей, а мы рассматриваем вооружение основной массы армии. В связи с этим предлагаю подумать, какое именно оборудование надо закупить в Германии, в каком количестве, ну и кого туда послать, наконец, чтоб не проворовался!

После ухода оружейников я переключился на авиацию и внимательно прочитал докладную записку Тринклера. Он предлагал в ближайшее время сосредоточиться на следующих типах моторов:

– двойная четырнадцатилиндровая звезда – такие моторы стояли на «Кондоре». Путем установки наддува мощность можно будет поднять до пятисот сил, писал Тринклер;

– семицилиндровая звезда, стоящая сейчас на «Кошках», должна была остаться для легких транспортных и разведывательных самолетов. Наддув на этот мотор не предусматривался;

– предельно простой трехцилиндровый мотор мощностью порядка семидесяти сил – для учебных самолетов.

У всех движков предполагались одинаковые ЦПГ, клапанные механизмы и головки.

Я написал резолюцию: «Очень даже согласен, но почитайте мою бумажку!» – и, прищипив ту самую «бумажку», отложил документ для отправки.

В моей добавке содержалось общее описание и эскизные чертежи тоже четырнадцатилиндровой, но более крупной, сорокалитровой звезды. Мне очень хотелось иметь мотор АШ-82.

Вечером в Гатчину заехал Гоша.

– Я тут провел небольшое такое исследование, – сообщил он мне. – Вот, сравни, пожалуйста, два эти списка...

– А чего их сравнивать? Я и так вижу, что они одинаковые. Только почему в правом три фамилии подчеркнуты?

– Объясняю. Правый список – это те, кто уже успел выразить мне свое возмущение безобразным поведением некоего Найденова, который по своей сути есть безродный выскочка, на

ужине после свадьбы. Подчеркнуты в нем те, кого на этом ужине не было. Левый – он твой, там перечислены мои родственники, подлежащие... гм... ну, в общем, подлежащие чему-то там. Так это вы с маман что, специально все подстроили?

– Ну, не то чтобы совсем специально, – признался я, – но мысль обозначить им действительное положение дел и посмотреть на реакцию была. А тут подходит эта пьяная рожа, торчащая на почетном втором месте в моем списке, и начинает что-то квакать Мари... Я еще думал, может, ну его на фиг, но Мари взяла и перевела мне его пассаж! Тут уж, извини, думать стало не о чем – раз сама императрица не поленилась при мне переводчицей поработать, значит, простым посыланием тут не обойдешься. Ну я и дал ему в репу...

– А поднимать за шкирку и второй раз давать было зачем?

– Для симметрии.

– Ох, сложная это вещь, высокая политика, – вздохнул Гоша, – особенно для простых натур вроде меня. И, кстати, на тебя генерал-адмирал обижается, что ты его не разбудил перед своей выходкой, он тоже хотел поучаствовать...

Гоша прошелся по комнате и наконец обратил внимание на листы с эскизами танков, специально оставленные на столе. Правда, сверху я положил картинку, имеющую несколько иной характер. Именно ее величество и выбрало к высочайшему рассмотрению.

– О, наконец-то, а то я уже отчаялся посмотреть на настоящий танк... Это «Т-35»?

– Нет, – хмыкнул я, – это «Т-39», он побольше, а в моем исполнении будет еще и плавающим. Вот только мореходность ему никак не сделать приличной, так что Ла-Манш придется переплывать исключительно в хорошую погоду.

С Гоши можно было начинать лепить статую эпического охренения. Наконец до него стало помаленьку доходить...

– Вот именно, – подтвердил я, – фотошоп – страшная сила. А заинтересуются – не пожалю сил, построю пару штук из фанеры и продемонстрирую, как замечательно они плавают. Надо ведь всему миру показать, чем занимается новый завод! Не это же им под нос совать (я потыкал пальцем в настоящие эскизы), сам видишь – мелковат, не зрелищен... Думаешь, для чего я с таким энтузиазмом ламсдорфовского секретаря ловлю, который, кстати, что-то уж очень подозрительно мордой на Рейли смахивает? Ага, на того самого, который Сидней Джордж. Просто выбить признание, как он Ники травил – мелкогато для такой фигуры. А вот если через него наладить канал поставки моего художественного творчества в Англию – это будет самое то! Никакая экономика не выдержит...

– Кстати, – посерьезнел Гоша, – наша бы выдержала... Проект сметы уже начал делать? Сразу предупреждаю, совсем зарезать ассигнования на флот не дам.

– Во как замечательно, – обрадовался я, – мне как раз надо два линейных крейсера. Только хороших, не как эти, императрицы имени катамарана «Машки»... Кстати, надо с Крыловым что-то делать, больно уж вольно он с бюджетом обращается.

– Зачем тебе два крейсера? – с подозрением спросил Гоша.

– Авианосец охранять. А про Крылова ты, значит, согласен? Может, вызовешь его и намеркнешь?

– Твоих же любимых классиков тебе напомним, – усмехнулся Гоша. – «Кто есть король? Светлое величество»... А для пугания народа имеется специальный персонаж, которого, кстати, по углам уже называют Гатчинским Коршуном. Что, не знал? Вот что значит Танечка в отпуске!

– Да, – вспомнил я, – ты Дурново утвердил на министра иностранных дел? А то тут послезавтра японская делегация приезжает протоколы к договору сочинять. Хотя это и неофициально, но присутствие настоящего министра там не помешает.

– Еще вчера, – кивнул Гоша, – вполне достойный человек. Теперь ждем реакции от Вилли. Да, ты в курсе насчет его последней просьбы?

– Разумеется, это же не свои клички отслеживать. Не против я, пусть евойные офицеры приезжают и изучают передовой опыт современной войны, нам нечего скрывать от своих друзей... Ну, разумеется, кроме того, что мы вообще никому не показываем. Да, насчет друзей. Вот тут список из вооружения, что мы в ближайшее время собираемся загнать в Страну восходящего солнца.

– Полностью всю линию по производству авиационных двухтактников? Неслабо... Все новые «Бобики», а нам остаются только первого выпуска и вообще «Тузики»? Ах музей хочешь устроить, тогда ладно. Я рад за них... Восемнадцать «Кошек»? А со снятым автоматом вывода из пикирования... «Кондор» номер три? Так его же и строить еще не начали!

– Есть такое слово – «предоплата», – пояснил я. – Вот предоплатят, и начнем.

– Надо будет с Машей посоветоваться, – прикинуло величество, – хватит у них сейчас денег или придется отсрочку давать...

– Вообще-то я предполагал все это учинить по бартеру, – скромно сообщил я. – Понимаешь, мне нужен хороший авианосец. Вот пускай и строят!

– Один нам и сколько-то себе, – уточнил Гоша. – Ты хотел именно этого?

– Разумеется. Нам, даже в случае ухудшения отношений, их авианосцы по фигу, через пять лет вся Япония будет в зоне действия нашей береговой авиации. А некоторым остальным такие суденышки у берегов какого-нибудь Пёрл-Харбора не помешают, я так думаю.

– Ладно, – встало величество, – это я утверждаю. Но, вообще, на четверг назначены посиделки в узком кругу – три величества и твоя светлость. Так что копи умные мысли, озаряйся идеями – будем прикидывать черновые наброски первого пятилетнего плана. Здесь, у тебя сидеть будем, в моих покоях.

– Ладно, давно пора... Только вот что я хочу сказать – если принимаем план, то никакого стахановского движения!

– Так это твои prerogatives, – рассмеялся Гоша, – обеспечить... как бы это помягче сказать... правовую базу государственного планирования. Вплоть до уголовной ответственности за перевыполнение, я не против. И еще, чуть не забыл обрадовать! В пятилетку я уже забил и реформу правописания, так что можешь больше бессонными ночами не мучиться вопросом, через «е» или через «ять» пишется твое любимое слово.

Глава 3

Все-таки нельзя разведчику быть таким бабником, думал я, разглядывая своего собеседника. Бывший секретарь бывшего министра иностранных дел таки попался, причем именно Татьяниной службе и самым тривиальным образом...

– Ну, господин Каминский с паспортом на имя британского подданного Рейли, а на самом деле уроженец Херсона Зигмунд Маркович Розенблюм, – начал светскую беседу я, – вы как, будете сознаваться сразу или предпочитаете сначала познакомиться с учениками господина Гниды? Вот только такую удивленную рожу делать не надо, не верю я, что вы ничего не слышали о моем седьмом отделе. Что? Это вы мне? Ну и наглец... Господин младший следователь, у вас есть пятнадцать минут на работу с этой скотиной, я пока тут прогуляюсь маленько по коридору...

Младший следователь господин Ли, как всегда, оправдал доверие, и через пятнадцать минут Розенблюм был уже несколько более расположен к откровенной беседе. То есть в покушении на Мари, которое вылилось в отравление Николая, он сознался, но утверждал, скотина такая, что сделал это не по заданию Сикрет Сервис, а из революционных побуждений – он-де старый социал-демократ! Услышав такое, господин Ли виновато развел руками – мол, извините, небольшая недоработка, я сейчас...

– Слушайте, вы, Зигмунд, который Шломо, – поморщился я, – постарайтесь понять простую вещь. Ни возвращение в Англию, ни даже хоть сколько-нибудь свободная жизнь вам уже не светит ни при каких условиях. Все необходимые нам сведения вы все равно расскажете, можете не сомневаться. И выбор у вас только в том, насколько вы будете похожи на человека после этого... Если похожи, то проживете еще довольно долго в комфортабельной камере, иногда, может быть, и выбираясь с соответствующими мерами предосторожности на улицу. А если показывать вас будет уже нельзя, то... в общем, сами увидите. Господин Ли, теперь у вас есть трое суток.

Разумеется, в разговоре с пойманной легендой английского шпионажа я несколько лукавил. Он мне был очень нужен живым и относительно здоровым, готовым в любой момент рассказать мировому сообществу о страшных злодеяниях английских секретных служб... А кроме того, один из Бениных сотрудников был весьма похож на этого Сиднея Розенблюма, что тоже открывало неплохие перспективы. Дело в том, что в Лондоне скоро должен был произойти несчастный случай, в результате которого некий полковник Фрезерджил прикажет нам долго жить... а больше в Сикрет Сервис никто Розенблюма близко и не знал. И за пару встреч досконально запомнить человека, да чтобы через год обнаружить, что он несколько изменился, это далеко не у всякого получится. Потому как без хорошей информации и без еще лучшего канала втягивания дезы нам труба, думал я, идя из подвала левого крыла Гатчинского дворца на второй этаж своего правого крыла. Мне еще оставался вечер на обдумывание вопросов к завтрашнему совещанию.

Итак, впервые новая правящая верхушка Российской империи собралась в полном составе и при этом рядом никто не помирал, ничего не горело и не взрывалось. Каждый из нас предупредил своих подчиненных, что отвлекать его можно только в случае мировой войны или аналогичных неприятностей.

Первой слово взяла Маша. Слово это было коротким и доступным даже мне, несмотря на мою далекую от безграничности осведомленность в тонких финансовых материях.

– Нате, читайте, – сказала ее величество, раздавая нам по листочку бумаги.

«О мерах по частичному восстановлению золотого стандарта», – прочитал я заголовок и с подозрением посмотрел на племянницу. Гоша с хитрым видом следил за мной – он-то

наверняка уже был знаком с супружиним творением. Мари спокойно читала свой документ, причем даже не надевая очков – почему-то в отличие от меня походы по порталам улучшили ей и зрение. Я попытался вникнуть в текст, и со второго раза у меня начало получаться.

В самом начале войны еще Николай с нашей подачи резко ограничил возможности вывоза золота из страны, мотивировав это начавшейся войной. Мера получилась непопулярная, но тогда сразу случилось столько событий, что конкретно по этому поводу мало кто возмущался. Теперь, в силу закончившейся войны, ситуацию предлагалось вернуть к довоенной... Почти. Вывоз золота был разрешен, но только с согласия специального комитета при Министерстве финансов. Для получения согласия нужно было заполнить декларацию, причем неточности в ней подлежали уголовному преследованию с конфискацией имущества. Аналогичная картина была и для заграничных валют, а вот все ограничения на вывоз рублей снимались. То есть под видом частичного восстановления золотой стандарт имени покойного Витте был практически похоронен.

– Замечательно, – выразил свое отношение я, – у меня, кстати, есть предложение в тему. Оно в том (я вытащил пару листков из своей папки), что в уголовном праве просто недопустимо мало статей с конфискацией. Вот, значит, мои предложения по расширению этой чрезвычайно действенной меры, в основном я предлагаю дополнить этим большинство политических статей. Ну и некоторые уголовные такая фенечка очень украсит. В общем, вместо всех этих уложений и сводов пора нормальный уголовный кодекс писать, причем поручать это Минюсту как-то не хочется, напишут не того, да еще растрезвонят об этом по всему свету. Так что предлагаю создать рабочую группу и приступать не откладывая... Мои предложения по персоналиям на втором листе.

– Возражения есть? – обвел нас взглядом Гоша. – У меня тоже нет, так что принимаем оба предложения.

Он сделал пометку в своих бумагах.

– А теперь-то, что хочу предложить я, реформа образования. Подробно она расписана там, – он показал на три тоненькие брошюрки, – а я вкратце поясню, что предлагается. Обязательное всеобщее четырехклассное образование. Да понимаю я, что не успеть за пять лет, но начать-то нужно! Увеличение числа реальных училищ на балансе государства и перевод классического образования на полную самокупаемость. Так что греческий с латынью желающие будут зубрить за свой счет... Уточнение статуса императорских высших учебных заведений. То есть раз они императорские, то бесплатные, но учат там тому, что надо императору, и так, как он указал. Что никоим образом не отменяет частных вузов, где вольнолюбивое студенчество сможет колбаситься как сейчас, но только уже целиком за свои деньги. Создание сети государственных педагогических училищ и, главное, разработка мер, которые сделают обучение там престижным. Жора, это к твоему информбюро. Профтехобразование по образцу того, что сделано в Георгиевске, – вроде неплохо получилось. Отдельный вопрос – кому все это поручить, есть предложения?

– Есть, – усмехнулся я, – замечательная кандидатура, зовут Оля Оболенская (то, что на самом деле она сестра Татьяны и ее фамилия Кубышкина, знал только я). Организация поездов-госпиталей у нее получилась отлично, да и вообще ее вклад в медицинское обеспечение войск оценивается весьма неплохо – из девочки вырос толковый администратор.

– Назначить ее министром просвещения? – усомнился Гоша.

– Зачем? Она работает дуэтом с великой княжной Ольгой, вместе у них замечательно выходит. Вот и назначить Ольгу-высочество главой госкомитета по делам образования, а Оболенскую ее товарищем.

– Поддерживаю, – кивнула Мари. – А вот реформа правописания... Это обязательно?

– Маман, пожалей Жору! – засмеялся Гоша. – Он мне уже четыре года про это плачется.

Мой пятилетний план развития промышленности особых возражений не вызвал. Правда, Гоша поначалу порывался увеличить цифры, утверждая, что деньги он как-нибудь найдет. Пришлось минут десять объяснять ему, что дело не в деньгах, а в кадрах – рабочих просто мало. И переток части крестьян в города проблему не решает, потому что из них получаются только подсобные рабочие. Поэтому я исходил из кадровых, а не финансовых соображений.

Машины предложения о внутренних займах с выигрышными облигациями возражений не вызвали.

У Мари своих предложений не было. Вообще, чувствовалось, что ей скучновато, но она считала присутствие здесь своим долгом и безропотно его исполняла.

После обеда началось обсуждение внешнеполитических проблем.

– Гатчинский договор с Германией накануне подписания, – объявил Гоша. – В нем стороны обязуются помогать друг другу в случае нападения на них какой-либо третьей стороны. Помощь разделена на обязательную – это прекращение торговли с агрессором, и прямую военную, которая может оказываться по просьбе подвергшейся нападению стороны.

– А что скажет приезжающая на днях французская делегация? – поинтересовалась Мари.

– Это вопрос к дяде Жоре, он у нас предиктор, – хмыкнула невдовствующая императрица.

– Что скажет? Вопить будет, слюной брызгать, – предположил я, – напоминать про союзный договор... Я его, кстати, почитал и могу сказать, что буквы мы не нарушаем, договор с Германией – это не союз. То есть пока Франция ни на кого не напала, ее эта бумага вообще не касается.

– Я хочу сделать заявление, что Россия готова заключить такой договор с любой поддерживающей ее мирные устремления страной, – уточнил Гоша.

– Окстись, – испугался я, – к тебе же через пять минут сербский посол прибежит! А этим только дай волю, так на них все Балканы нападут и половина остальной Европы в придачу.

– Идея! Надо сопровождать договор... э-э-э... назовем это взаимозалогом. То есть стороны обязуются разместить друг у друга определенные средства. Чтоб, значит, всякая нищета хулиганистая в компанию к серьезным людям не лезла, – озарилась Маша.

– А Черногория?

– Дядя, я тебе самая богатая женщина планеты или кто? И черногорско-курильская королева, между прочим... Так что не тронь мою Черногорию, с ней все в порядке. Кстати, действительно, а почему у нас с этой империей до сих пор такой бумаги нет? Ваше величество, это недоработка.

– Отлично, – обрадовался Гоша, – договор потихоньку обретает черты общеевропейской системы коллективной безопасности...

– С нарушителями которой мы будем поступать очень строго, – кивнул я. – В связи с чем меня несколько беспокоит Австрия...

– Но у нас же с Габсбургами терпимые отношения, – пожала плечами Мари.

– Ага, настолько терпимые, что во время войны пришлось перебросить к австрийской границе еще две дивизии, – уточнил Гоша. – Причем Вилли утверждает, что Вена с ним не консультировалась и вообще он по поводу ее поведения в некотором недоумении...

– Англии нужен кто-то, согласный воевать за ее интересы с Россией, – высказал я свое видение ситуации. – И в качестве этого «кого-то» Австрия вполне сойдет. Я прогнозирую усиленную активность британских дипломатов в Вене. Вопрос же в том, как нам на это реагировать. Кстати, и в Германии последнее время начались какие-то проанглийские шевеления, возглавляемые вроде Каприви... Я этим уже занимаюсь.

– А что мешает заняться тем же самым и в Австрии? – не поняла Маша.

– Неясность вопроса – а очень ли она нам нужна. Ведь если окажется, что настроить Австрию против России не получится, в Англии мгновенно забудут все противоречия со Штатами и начнут их обхаживать по полной программе. Оно нам надо?

– Значит, вопрос с Австрией нуждается в дополнительной проработке, – подвел черту Гоша. После чего помолчал, обвел нас взглядом и продолжил: – Я хочу внести в пятилетний план еще одно направление. Только заранее прошу не вертеть головами в поисках санитаров... Россия открывает космическую программу. Разумеется, я не жду реальных полетов ни в этой, ни в ближайших следующих пятилетках, но понемногу начинать надо. В частности, и для того, чтобы было чем увлечь активную часть молодежи.

– При чем тут санитары, я бы и сам такое предложил, разве что чуть позже. Но раз будет государственное финансирование – очень хорошо.

– Не только государственное, – уточнила Маша, – я, как частное лицо, тоже внесу посильную лепту.

– Не разоришься?

– Наоборот, – негромко сказал Гоша.

А, подумал я, все та же вечная тема, почему это все филантропы – очень богатые люди, где тут причина, а где следствие... Вслух же сказал:

– Ставить во главе проекта Циолковского категорически нельзя.

– И не будем, – кивнул Гоша, – Поморцев же справляется? Вот его и нагрузим немножко. А Циолковский будет Главным Теоретиком космонавтики, ведь должен же быть такой? И ее главным популяризатором заодно.

На этой оптимистической ноте и закончилось первое заседание того, что потом получило неофициальное название «политбюро».

А с утра я отправился в подвал левого крыла, где некто Рейли-Розенблюм буквально места себе не находил от желания со мной поговорить. Меня сопровождал сотрудник шестого отдела Игорь Рюмин.

По дороге я несколько беспокоился, не перестарался ли младший следователь, ведь не прошло и двух суток, но увиденное меня успокоило – клиент имел вполне товарный вид. Седина ему даже шла, а дрожал и заикался он только наткнувшись взглядом на господина Ли.

– Я так понимаю, что вы раздумали пудрить мне мозги про приверженность идеалам социал-демократии? (Собеседник быстро закивал.) Ну и хорошо... Значит, вас переводят в более комфортабельную трехкомнатную камеру. С вами будет жить господин... э... господин Максим Максимович Исаев. Он вас подробно расспросит про работу на Сикрет Сервис, ну и вообще про жизнь... А в случае чего – вы, самое главное, не волнуйтесь! – господин Ли всегда сможет помочь вам принять правильное решение, даже не дожидаясь специальной просьбы... В общем, как кончите икать, можете собираться, вас проводят.

Глава 4

Надо же, уважительно подумал я по внимательном прочтении пятилетнего плана в области образования, величество неплохо поработало! Причем видно было, что автором документа является именно Гоша.

Первым этапом было максимальное приближение к всеобщей грамотности. До развертывания сети начальных школ движущей силой процесса должны были стать георгиевцы (подготовленные в преддверии войны агитаторы для работы в глубинке) и приходские священники. Крестьянам, имеющим грамотных детей, полагались налоговые послабления, вплоть до полного освобождения на какой-то срок, по критериям как количества – детей много, так и качества – если их один-два, но они шибко грамотные относительно среднего уровня.

В городах задача возлагалась на предприятия. Частные ставились перед выбором – или обеспечить рабочим и, главное, их детям возможность учиться, получив за это налоговые льготы, или не делать этого и со следующего года платить специальный налог, величину которого еще требовалось обдумать. На госпредприятиях у дирекции просто появлялась дополнительная головная боль, а чтобы они не очень пищали, имелась приписка «ответственный – ГК, меры убеждения на его усмотрение». В армии, естественно, обучение солдат грамоте возлагалось на командиров.

Тут, конечно, высокого качества образования ждать не приходилось. Но ведь требовалось всего лишь научить людей читать, с этим справится каждый третий.

Далее предполагались единые программы для всех государственных начальных и средних учебных заведений, примерно слизанные с советских – один иностранный язык, треть часов на гуманитарные дисциплины, две трети на естественные. После восьми классов желающий продолжать образование имел выбор – ПТУ (два года), техникум (три) или подготовительное отделение вуза (год). Тут учащимся уже полагалась стипендия – в ПТУ всем, в техникумах и вузах только отслужившим в армии или отличникам.

Учебники должны были стать едиными для всей империи, причем тут уже имелось прямое обращение ко мне: «за образец принять те, по которым учился ГК, ответственный он же».

Затем предполагалось создать государственную систему отбора способных – конкурсы, олимпиады с призами и специальные люди, которые будут следить, чтобы выявленные таланты имели возможность продолжить и расширить образование.

Выделялись средства на специальное издательство «Наука», основной продукцией которого должны были стать научно-популярные издания. На моем экземпляре Гоша от руки приписал: «будь добр, найди Перельмана и помоги ему написать его занимательные физику, математику и прочее». Молодец его величество, самокритично подумал я, царапая срочную записку в секретариат. Кончался документ еще одним призывом ко мне: «раз уж не хочешь писать сам, подготовь к изданию учебник по изобретательству твоего Альтшуллера!»

Тут я задумался. Ситуация выглядела так: вдобавок ко всем моим обязанностям на меня еще маленько навалили. А что должен делать нормальный начальник среднего звена, если высшее начальство что-то ему поручило? Правильно, тут же перепоручить это вниз! По тем направлениям, которыми я занимался давно, это примерно столь же давно и было сделано, но мне захотелось решить задачу в общем виде. Итак, кто я есть? Личный представитель императора для работы на каких-то делегированных им мне направлениях, причем в порученных областях мои права равны императорским. Значит, нужны какие-то уполномоченные уже мной люди, с правами канцлера, но только ограниченными как по времени, так и по месту. Например, вот эта возня с грамотностью – несколько заводов поручаются комиссару, который смотрит, хорошо ли администрация выполняет приказ насчет учить читать. Если хорошо – откры-

вает первую страницу служебной инструкции, где прописаны поощрения, и выбирает. Если плохо – на то будет вторая страница...

Итак, как только величество поручает мне что-то новое, я тут же вызываю из резерва комиссара, наспех царапаю ему бумажку с задачей и правами по ее решению и отправляю служить отечеству. То есть прямо тут, во дворце, благо он большой, в ближайшее время должна появиться контора – Исполнительный Комиссариат ГК. Кадры? Ну для начала Танечку и Беню ограбляю человек на пять-семь каждого, а дальше уж пусть они сами штаты расширяют. Кстати, пусть эти комиссары шастают в черной форме наподобие моей, но попроще, примерно как у штурмфюреров.

Пока я воспарял мыслью на бюрократические темы, позвонили из секретариата и сообщили, что Перельмана искать не надо. В данный момент он находится в Георгиевске, конкретно – в гостинице Приемного парка, и пишет книгу про авиацию. Грант на это дело, между прочим, прошел за личной подписью вашей светлости...

М-да, подумал я и включил терминал узла связи – умеренно секретные переговоры можно было вести и из моего кабинета. Вызвав Георгиевск, я попросил без особой срочности связаться с Татьяной.

Действительно, припомнил я, подписывалась такая бумажка во время моего последнего прилета, вот только фамилия соискателя не запомнилась – кто же знал, что это тот самый Перельман! А тут и Татьяна вышла на связь.

– Добрый день, Танечка, – приветствовал я ее. – Вы когда в Питер вылетаете? Нет, не волнуйтесь, не тороплю, завтрашнее утро меня вполне устраивает. Нет, ничего не случилось, разве что меня тут птичьей кличкой обозвали, а я и не знал. Это самое, там в Приемном парке сидит популяризатор Перельман... Что? Нет, не от слов «лизать попу». Он писатель, пишет простыми словами про сложные вещи, конкретно сейчас – про самолеты. Очень полезный господин, захватите его с собой в Питер. Со всей возможной вежливостью, уточняю...

Чуть забегаю вперед, скажу, что услышанное слово Татьяне очень понравилось, и она долго еще называла директора моего информбюро, Константина, исключительно «популизатором».

Сразу по прилету Татьяне предстояло взвалить на себя еще один геморрой – предстоящую коронацию их величеств. Совместно с Беней, ибо дело было до крайности важное.

Наверняка народ прекрасно помнил Ходынку, и надо было проследить, чтобы эта коронация настолько отличалась в лучшую сторону от предыдущей, что даже самый тупой обыватель начнет делать правильные выводы. А с другой – было бы крайне желательно такое развитие событий, при котором за промахи в организации торжеств Гоша имел бы повод выразить московскому генерал-губернатору великому князю Сергею свое неудовольствие. От того, как он на это прореагирует, зависела его судьба – на своем месте в новом царствовании он был совершенно не нужен, но и сразу вот так, с ходу устраивать ему несчастный случай было бы проявлением неуместной торопливости.

Кстати, их величества изволили пожелать явиться в Москву на самолетах, причем со своей ближайшей свитой, благо размеры двух наших «Кондоров» позволяли. Ну, Маша ладно, а вот у Гоши откуда такой садизм – половина же весь полет будет пребывать в обмороке от страха... Хотя надо будет посмотреть, кого он собирается сажать в первый борт, на котором полетит сам, а кого во второй, к императрице-королеве. Врачей, что ли, добавить в состав пасажиров? Нет, на фиг, в программе обучения стюардесс есть оказание первой помощи, вот пускай и тренируются. А вот памятку для летящих в первый раз надо обязательно составить, где

крупными буквами будет категорически запрещено что-нибудь есть перед полетом и столь же категорически рекомендовано перед покорением пятого океана обязательно посетить сортир.

Отдав распоряжение отправить группу из Георгиевского БАО в Тушино на предмет начала подготовки летного поля, я снял трубку и велел запускать пришедшего ко мне визитера. Встретил я его стоя.

Евгений Сергеевич Боткин зашел в мой кабинет и остановился в некоторой растерянности.

– Прошу. – Я показал на стул около журнального столика, на котором уже стояли чай, кофе простой, растворимый и какие-то печенюшки к этому.

– Нам не довелось встретиться с вами на войне, – начал я, – но ваша деятельность там известна мне достаточно хорошо и ничего, кроме восхищения, не вызывает. Хотите заняться тем же самым, но в масштабах всей России? При Его Величестве образуется Комитет по народному здравоохранению. Со временем, я думаю, он станет министерством. На пост главы этого комитета и предлагается ваша кандидатура.

– Но я же всего лишь врач...

– Один из лучших в России. Именно такой и нужен во главе создаваемого учреждения. То есть вы, как врач, будете говорить, что надо делать. Находящиеся же в вашем подчинении чиновники придумают, как им реализовать ваши планы.

– А если не придумают? – осторожно спросил доктор.

– Я помогу. Зря вы на меня так смотрите, я, а не мой особый отдел... Назначению именно вас есть две причины. Первая, как я уже говорил, – вы хороший врач. Вторая, не менее важная, – у меня нет ни малейших сомнений в вашей высочайшей честности. То есть вы не допустите, чтобы из дела сохранения здоровья русского народа кто-то сделал себе кормушку. А суммы будут весьма значительными.

– Но у меня же совершенно нет опыта! И, позвольте спросить... У вас в Георгиевске имеется чрезвычайно эффективная организация, я интересовался ее работой – Департамент охраны материнства. У госпожи Князевой как раз есть большой опыт успешной работы именно в области медицинского администрирования...

– Увы, по многим важным причинам назначить Князеву главой здравоохранения нельзя, – вздохнул я. – Но всю необходимую помощь она вам окажет, завтра я познакомлю вас с этой действительно выдающейся женщиной. Вы согласны?

Бюджет здравоохранения в самом деле планировался очень приличный, примерно как на содержание императорского двора. И, кстати, в основном оттуда и взятый... Их величества (все три) уже пожертвовали большую часть своего содержания на медицину, и теперь мне предстояло смотреть, с какой скоростью их примеру будут следовать все остальные получающие значительные средства от казны лица. Пристально смотреть, с большим и несколько нехорошим интересом.

Вечером, разбирая бумаги, я наткнулся на конверт от Гоши. Надпись на нем интриговала:

«Не важно и не срочно, но интересно». Мне стало именно так, и я быстро вскрыл конверт. Там оказались два документа – совсем маленькая бумажка и чье-то объемистое машинописное творение на трех страницах. Маленькая бумажка оказалась запиской от Гоши:

«Я в некотором недоумении. По-моему, все, что мне написал Лев Николаевич, или общие слова, или бред. Но, возможно, я что-то недопонял, так что ты, как специалист по чтению между строк, тоже ознакомься с творением великого русского писателя. Может, даже ответить соберешься, если да, то разрешаю от моего имени».

Опа, так мне как будто в школе мало было уроков литературы, предстоит снова читать поток мысли этого долгобородого графа? Правда, тут немного, осилю. Что это он Гошу братом

называет? Хотя хорошо хоть не внучком... так... вооруженное подавление рабочих восстаний уже легло черным пятном на вашу репутацию... Где же этот пахарь восстания видел, тем более с подавлением? А, в Туле был еврейский погром, полиции пришлось стрелять... Своеобразно. Так, а это еще что? «Олицетворение дьявола у подножия трона» – да кто же это у нас такой, я вроде тоже недалеко от того самого трона обитаю? Ах, это я и есть... Душитель свободы? Тоже вроде я, да, действительно, приметы совпадают... и кого это я придушил? «Русское слово» – было что-то такое, Бенья докладывал, так там никого даже не покалечили, не говоря уж о большем! Так, объяснили маленько о правилах поведения прессы во время войны, причем ведь поначалу словами объясняли, жесты начались уже потом. Так, тут что, вся страница про меня? Да, и треть следующей тоже, между прочим. И когда же он к делу перейдет? Про землю... ладно. И это все? Негусто, однако.

Итак, попробуем написать краткий конспект этого произведения... Какие тут основные мысли? Вроде просматривается три штуки.

Первая – управление состоит не в угнетении народа, а в ведении его к добру и свету. Тут даже отвечать ничего не хочется, это лучше какую-нибудь эльфятину про борьбу света с тьмой почитать...

Вторая – Найденов есть гад ползучий. Начхать, граф не первый и не последний, кто так думает.

Третья – все беды от частной собственности на землю. Эх, в колхоз бы тебя, размечтался я. И ведь не предлагает ничего взамен! А то мы не знаем, что земель можно спекулировать.

Но некоторую гордость я все же испытал. Не каждый удостоивается кляузы от автора «Войны и мира»! Вырезав из текста страницу со своей характеристикой, я убрал ее в стол, пригодится. И задумался – писать ли ответ, если да, то о чем, и если о его предложениях, то от чьего имени?

Быстро пробежав глазами остальную корреспонденцию, я все-таки решил потратить остаток вечера на ответ папе Анечки Карениной. Итак, чья подпись будет стоять под моим творением? Однозначно Гошина! Во-первых, она красивей. Во-вторых, после характеристики, данной мне графом в его труде, есть риск, что бумага с моим автографом сразу окажется в печке, еще до прочтения, чего не хотелось бы. У меня появилась мысль попытаться направить энергию яснополянского земледельца на что-нибудь полезное. Это же не показатель, что лично мне фэнтези не нравится, а так вполне даже разновидность литературы. Но не пишет ее пока никто, вот в чем дело! Так что включаем ноутбук, где у нас тут Гошин почерк? Вводим...

– Дорогой старший брат! – застучал по клавишам я. И дальше изложил простую мысль. – Даже если предположить, что величество знает, в какой стороне свет, то все равно вести туда народ не получится, ибо этот народ разбредется. Нет в нем даже отдаленного подобия единства во взгляде на эту проблему... А чем в это время занимается совесть нации? С церковью собачится! И в перерывах на Найденова доносы пишет... Ну нельзя же так расходовать ваше драгоценное время, – вдохновенно писал я, – мелочь он, этот Найденов, при дворе и погаже экземпляры есть, приезжайте, познакомлю. А народ все больше путается в вопросах, где свет и что такое добро... Напишите ему про это, а? И лучше в аллегорической форме, так получится доходчивей.

Дальше я описал все, что помнил про орков, гоблинов и эльфов. Упомянул троллей и хоббитов, пересказал своими словами содержание «Властелина колец». Правда, тут я не мог ручаться за точность, потому как книгу не читал, не пошла, а смотрел фильм в обработке Гоблина. Но ничего, Лев Николаевич и этого не видел...

Вот так, подумал я, заклеивая конверт, посмотрим, родится в земле российской новый Перумов или я зря мучил ноутбук? А то ведь как-то неправильно получается. Такой писатель в такое время – и сидит без дела...

Глава 5

К августу в зарубежной прессе уже начали появляться приличные аналитические материалы по итогам русско-японской войны. Англичане, утешившись многими публикациями о поражении России, наконец-то закончили анализ единственного крупного боя в Желтом море. Выводы были сделаны правильные, во всяком случае мне они понравились.

Основным поражающим фактором в бою линейных кораблей является огонь главного калибра, решили они – и правильно, на «Микасе» и «Фудзи» были их наблюдатели. Бомбы, говорилось дальше, лишь в исключительных случаях пробивают бронепалубу. Урон от огня вспомогательного калибра тоже не очень велик. Отсюда был сделан вывод о необходимости нового типа линейного корабля, в обсуждаемых параметрах которого уже проскальзывали черты будущего «Дредноута». Про подводные лодки единого мнения еще не было – потому как достоверные сведения имелись только по «Дельфину», а он никак не тянул на грозу морей.

Во Франции развернулась дискуссия между Лавалем и Фошем. Первый считал, что русско-японская война показала – правильно построенную, глубоко эшелонированную оборону пробить невозможно. Фош с этим не соглашался. Аргументировал он свое несогласие тем, что в рассматриваемой войне снабжение было затруднено для обеих сторон, и в силу этого, а также некоторой дикости ее участников русско-японская война не может быть показателем. Судя по всему, в склоке возьмет верх Фош, думал я. И вовсе не потому, что он более прав, а исключительно в силу национальной французской идеи фикс насчет взятия взад Эльзаса с Лотарингией, о чем можно было мечтать только при наступательной военной доктрине. Так что в грядущей войне вполне можно будет увидеть результаты и похлеще гор трупов на Ляндунском перешейке, пулеметы совершенствуются быстро, да и минометы не отстают.

С редким единодушием удачное применение нами ракет было объявлено случайностью и исключительными условиями перешейка. Англичане даже не постеснялись напомнить, что почти сто лет назад именно они и именно ракетами сожгли Копенгаген. Хамы, честное слово, – нашли чем гордиться.

Наиболее разумные выводы были сделаны в Германии, Шлиффеном. Он писал, что сторона, добившаяся на решающем участке фронта подавляющего преимущества в артиллерии, авиации и пулеметах, добьется успеха независимо от того, наступательное это сражение или оборонительное. В результате в Гатчине уже сидела не только японская делегация, утрясавшая тонкости секретного протокола, но и немецкая, с которой мы торговались насчет лицензий на наш хайтек. В частности, мы уже договорились насчет постройки немцами «под ключ» двух патронных заводов в обмен на лицензии по производству пистолета-пулемета и единого пулемета, а также авиационных моторов нового поколения. Кроме того, планировались совместные работы по «Арию-Бисмарку», постройку которого кайзер собирался начать в ближайшее время.

Через два дня я был в Москве – пора было готовить вторую столицу к коронации. Я сразу выбил себе право не присутствовать официально ни на каких мероприятиях – ибо мне и неофициальных дел хватит. Поначалу я остановился в штаб-квартире Гоше-Машиной финансовой империи на Даниловской, ибо, хотя финансы позволяли, а положение обязывало иметь в Москве собственный дом, по некоторым причинам его приобретение было отложено на после коронации. Главная из этих причин называлась Сергей Александрович Романов, являлась братом позапрошлого монарха и занимала должность московского генерал-губернатора. Собственно, не успел я толком распаковаться с дороги, как явился генерал-губернаторский адъютант даже не то что с просьбой, а с требованием рассказать о целях моего приезда в Пер-

вопрестольную. То есть великий князь Сергей сразу пошел на обострение, что было хорошо, ибо снимало некоторые неудобства морального плана.

– Цели мои просты, прямы и незатейливы, – честно признался я, – и состоят в возможно более точном исполнении данных мне Его Величеством указаний.

Адъютант долго ждал продолжения, но его, понятно, не последовало.

– И это все? – нервно спросил он наконец.

– Разумеется! – с энтузиазмом воскликнул я. – Ну какие еще могут быть цели у подданного российской короны, кроме максимально точного и быстрого исполнения приказов императора? Или вы считаете, что допустимы еще какие-то устремления? Извините, но согласиться с вами в этом я никак не могу.

– Но хотя бы поставить в известность о направлениях своей предполагаемой работы вы можете?

– Ну какой же вы странный! – всплеснул руками я. – Неужели вы думаете, что среди императорских приказов один был про то, что о содержимом всех остальных я могу говорить с кем угодно? И вообще, что за манеры у вашего шефа? По происхождению мы с ним равны, оба дяди императорских особ, по должности я его превосхожу. А что должен делать государственный чиновник в случае приезда вышестоящего начальства? Первым делом прибежать и представиться! В общем, идите отсюда, вы мне надоели.

Замечательно, подумал я, когда возмущенный до глубины души адъютант его высочества выскочил за дверь. Сергей Александрович и раньше относился ко мне без особой приязни, а уж теперь его чувства должны существенно усилиться.

Дело было не в том, что великий князь Сергей был плохим генерал-губернатором – он был слишком независим и при Ники практически превратил Москву в свое удельное княжество. А кроме того, что у него в подчинении были московские жандармы во главе с Джунковским, полиция и охранка, он был еще и командующим МВО! То есть независимость князя Сергея имела под собой весомые основания. Еще при Николае мы прикидывали, что будет, если великие князья, обладающие реальной силой, то есть генерал-адмирал, Ник-Ник-младший, Владимир и Сергей объединятся в нежелании видеть данную фигуру на троне. Получалось, что фигура слетит оттуда как миленькая. Но теперь дядя Алексей вошел в нашу команду. Ник-Ник поддерживал Мари, Владимир был занят своими внутрисемейными неприятностями. Неохваченным оставался только Сергей. Надеяться, что он станет с пониманием трудиться в нашей команде, было глупо, и оставалось только начать работу по освобождению московского градоначальнического кресла, что я и делал. Поводом к проявлению высочайшего недовольства должна была стать организация коронационных торжеств. Здесь князь Сергей ухитрился сразу неплохо мне подыграть – он, помня, во что вылилась раздача подарков на Ходынке, в этот раз решил производить ее децентрализованно. Мысль-то была нормальная, а вот исполнение... Раздачу предполагалось производить по околоткам.

Полиция в Москве и так не пользовалась всенародной любовью, а тут еще такой соблазн... Причем там, где ему не последуют и не украдут ни одного из подарков, слухи все равно будут, об этом я уже позаботился. Ну и нетрудно представить, что начнется в райотделах полиции, когда выяснится, что подарков на всех очень даже не хватает. А потом приедут люди канцлера, и все станет хорошо. Людей же у меня в Москве было немало.

Во-первых, тут находились приехавшие с фронта два эскадрона казаков Богаевского, причем те, в программу обучения которых входило и пресечение уличных беспорядков.

Во-вторых, имелся полк калединских ветеранов со всеми средствами усиления – ну, это уже на крайний случай, если что-то пойдет совсем наперекосяк.

В-третьих, сюда были командированы две трети сотрудников шестерки и «ДОМа».

А еще в Москву незаметно прибыла третья рота суворовского училища, находящегося под официальным патронажем Мари и Татьяны. Ибо, напомним, в число официальных обязанностей последней входила и охрана детства. Но ведь детишек гораздо проще охранять, когда они собраны в компактную группу, живут в казарме, ну и так далее. В общем, получилось суворовское училище. Его первая рота была инкубатором кадров для авиации, вторая – для армии, а третья – для секретных служб. Недавно она закончила проходить практику.

Сразу после окончания войны в Серпухове, Туле и Подольске стали появляться фургоны из Георгиевска, которые раздавали народу подарки в честь победы над врагом. Задачей экипажей было научиться строго дозировать беспорядки, причем в широких пределах – от полного бардака до безукоризненной очереди. Мальчикам помогали казаки, но их было не очень много. Могу сказать, что под конец стало получаться совсем неплохо... Нашелся действенный прием – в момент, когда толпа того и гляди снесет фургон, вдруг появлялись слухи, распускаемые самыми мелкими пацанами, что в этой машине фигня, а не подарки, вот сейчас приедет другая, но даст только не успевшим отовариться с первой... В общем, практика подобных мероприятий у моих людей была.

Кстати, несмотря на циркулирующие по Москве слухи о голубизне великого князя, моим службам так и не удалось найти достоверные подтверждения оным. Но зато специально организованная группа папарацци уже наснимала кучу кадров, где генерал-губернатор пребывал в довольно идиотских видах, а на коронации планировалось сильно пополнить эту коллекцию.

И вот она наступила...

Я сидел на Даниловской и слушал донесения. Все шло по планам.

Беспорядки на Тверской. Локализованы силами полиции.

На Якиманке полиция не справилась, порядок наводили казаки.

Ну и так далее, весь день...

Вечером я с десятком отборной охраны ждал за дверями Георгиевского зала Большого Кремлевского дворца. Вот пискнула рация в моем кармане... Я кивнул, и два самых здоровых бойца могучим синхронным пинком распахнули передо мной двери. Мимоходом получив по морде, улетел в угол бросившийся нам наперерез некто в мундире. Народ застыл, и в наступившей тишине мощно прозвучал хорошо поставленный голос Гоши:

– Господин генерал-губернатор, что вы позволяете себе перед лицом императора? Повелеваю вам немедленно покинуть помещение и у себя дома ждать моих дальнейших распоряжений! Господин канцлер, проследите за выполнением приказа.

– Слушаюсь, – сказал я. За моей спиной лязгнули взводимые затворы автоматов.

Великий князь надменно глянул на меня и, ничего не сказав, прошествовал мимо моей охраны к выходу. Я тоже двинулся за ним, но у самого выхода был остановлен высокой женщиной, очень похожей на Аликс, но постарше и, пожалуй, покрасивей ее. Это была жена Сергея, Елизавета.

– Могу ли я поговорить с вами? – спросила она.

– Говорите, – пожал плечами я.

Она оглянулась по сторонам и, видно не обнаружив поблизости знакомых лиц, тихо сказала:

– Прошу вас, не убивайте его...

– Вы же слышали императорский приказ, – несколько удивился я, – и насчет убить там не было ни слова. Или я что-то пропустил?

– Ах, оставьте, я же все понимаю... Сережа не сможет молча перенести отставки, он что-нибудь сделает, и это станет для вас поводом... Ну скажите же мне, что я не права!

– Вы действительно не правы, – кивнул я, – но только в одном. Как только он начнет делать что-либо неподобающее, это станет не поводом, а причиной. Если не начнет – причины не будет.

– Ах, не надо, – всхлипнула дама, – это же все просто слова... Ну неужели вы ничего не можете придумать, чтобы он остался жив? Вы же умный и сильный, а Сережа сильным только кажется...

– Придумать, говорите? Хорошо, сейчас придумаю. Но выполнять придуманное мной придется вам. В случае успеха никаких обсуждаемых нами поводов или причин не будет, это я вам обещаю. Согласны? Тогда так, на улице стоят два авто с надписями «амбуланс» и красными крестами. Подойдите к тому, что поменьше, и подождите, я там буду через пять минут.

Я отошел в сторонку, достал рацию и отдал необходимые распоряжения. Все-таки рация в кармане слишком выходила за рамки возможностей этого мира, и я старался ее без нужды не демонстрировать.

Елизавета ждала меня у фургончика «Скорой помощи», и я пригласил ее внутрь.

– Зочка, дайте мне, пожалуйста, набор номер три, – попросил я находящуюся там Танину девочку. Взяв коробку, я открыл ее и показал княгине. Там лежали два пакетика с таблетками.

– Ваш муж сегодня вечером наверняка будет сильно нервничать, – пояснил я. – Так вот, предложите ему таблетку из первого пакета. Это успокаивающее, и довольно сильное. Ему станет хорошо, и совершенно не будет тянуть на всякие ненужные интриги... Как называется? Фенобарбитурат, если вам это что-нибудь говорит. Скорее всего, на следующий день он сам попросит у вас еще одну... Больше чем по две в день давать нельзя, этот препарат вызывает привыкание, и при приеме в таких дозах оно может стать необратимым. Как нетрудно убедиться, в пакете сорок таблеток. То есть двадцать дней ваш муж не будет испытывать потребности в активных действиях. А по истечении этого срока он уже и не будет представлять опасности для нас. Но прекращение приема вызовет сильный абстинентный синдром, для его смягчения – содержимое второго пакета. Тоже не больше чем по две в день. Если будут какие-нибудь осложнения, обращайтесь, вам помогут – мне тоже как-то комфортнее, когда не приходится применять крайних мер. Так что все в ваших руках, а вовсе не только в моих.

За то время, что Сергей Александрович будет успокаивать нервы, предполагалось на пост командующего МВО поставить Каледина, а генерал-губернатором посадить Дубасова. И придумать, что делать с Джунковским. Даже если бы я не читал о его извилистой биографии в нашей истории, одно то, что, прознав по своим каналам о грядущем снятии своего шефа, он прибежал не к нему, а ко мне с полным одобрением данного мероприятия – заставляло относиться к нему с сугубой осторожностью.

На следующий день с утра я занялся тем, что при желании можно было бы квалифицировать как использование служебного положения в личных целях.

НИИ, в котором я работал от начала и до конца восьмидесятых, находился в начале Ленинского проспекта. И мы часто ходили в Нескучный сад – когда просто так, а когда и с пивом либо иными подлежащими приему внутрь реактивами. Распитие – это была традиция – всегда совершалось около стоящего в глубине сада полузаброшенного двухэтажного дома без всяких мемориальных табличек. Ниже, у пруда, имелся и вовсе развалившийся объект непонятного назначения. Вот сюда мы и приехали.

Здесь дом имел более жилой вид. Я посигналил, машина охраны тоже. На звук двух клаксонов из дома выползло что-то вроде дворцового, европейский вид которого несколько портила опухшая от пьянства рожа с синеватым оттенком.

– Ч-чего надо? – вежливо спросила рожа у капота моего автомобиля. Капот не ответил, но я открыл дверь и вышел.

– Ик... – потрясенно сказал дворецкий, качаясь, как тонкая рябина из песни.

– Я вам кого-то напоминаю? – поинтересовался я.

– И-ик, ваша светлость, – подтвердила пьяная рожа.

– Тогда, может быть, вы пригласите меня в дом?

Но тут сзади, со стороны будущего Минералогического музея, к нам подбежал явно более компетентный персонаж

– Ваша светлость, не обращайтесь внимания на этого идиота! – еще на бегу возопил он. – Позвольте представиться – управляющий Орловским летним домиком...

Этот домик находился примерно в полукилометре от дворца ВК Сергея в Нескучном саду, где в данный момент он и жил. И стать домик должен был не столько моей московской резиденцией, сколько опорным пунктом по слежке за отстраненным от должности великим князем – оставлять его без присмотра было никак нельзя. Но тем не менее я купил этот коттедж вместе с объектом у пруда, оказавшимся раздевалкой. Благо принадлежал весь Нескучный управлению дворцов, то есть по прямому указанию Гоши сделка была проведена со всей возможной скоростью.

Ох и наплачемся мы еще со своим гуманизмом, думал я, обходя новое жилье. Но именно мы, потому как решение про Сергея было принято без особых споров – и мне, и Гоше не хватило совести отдать приказ о превентивной ликвидации.

Глава 6

Через три дня после коронации император с обеими императрицами (Аликс, которая тоже носила этот титул, на торжествах не присутствовала) улетел в Питер, а я на некоторое время задержался. Торжества, в общем, прошли нормально, несколько инцидентов их не испортили, потому что какой же это праздник без драки? Главное, что кончилось все хорошо. Ну а то, как ее величество Мария Первая после многочасового стояния в соборе, в полном парадном облачении, в нецензурных выражениях сравнивала коронации на Итурупе и в Москве, причем ее симпатии явно были на стороне первой, слышали только мы с Гошей.

Отставной генерал-губернатор безвылазно сидел в своем дворце неподалеку от моего домика. Визитеров у него не было, кроме одного, зато какого!

Великий князь Сандро, сказавшись больным, в Москву на торжества не поехал. Почти все это время он проторчал в гостях у Алисы, а сразу по нашему отъезду развил бурную деятельность. Простая мысль, что микрофоны там стоят почти во всех помещениях, да и слухачи не спят на дежурствах, в голову ему не приходила. В общем, он признался Алисе, что считает восшествие Гоши на трон натуральной узурпацией, потому как новым императором должен стать сын старого, то есть Алексей, под регентством своей матери. К чести Алисы надо сказать, что у нее хватило то ли ума, то ли инстинкта самосохранения не соглашаться безоговорочно, а в основном слушать, ограничиваясь междометиями. Три дня этот змей вешал императрице лапшу на уши, а потом направился в Москву. Тут, вырядившись мелким клерком, он двинул напрямик в Нескучный сад, во дворец Сергея.

К сожалению, здесь микрофонов еще не было, поэтому моя информация ограничилась только тем, что встреча была короткой, а вылетел интриган с нее как ошпаренный. Скорее всего это означало полную неудачу его поползновений, но могло быть и результатом игры на публику, дабы показать, что ничего у него, бедного, не получилось... Ну на то и есть плотное наблюдение, чтобы прояснять такие моменты.

Естественно, с Гошей мы связывались каждый день, так что он был вполне в курсе происходящего. И у императора появилась интересная мысль, во исполнение которой он направил опальному Сергею письмо, где в завуалированных выражениях предлагал считать, что на вечернем послекоронационном приеме погорячились оба, и больше к этому не возвращаться. Я же послал Елизавете записку, где в вежливых выражениях набивался в гости. Так что в один прекрасный августовский вечер я пешочком прошелся по Нескучному саду от пруда до дома, где в будущей Москве располагался президиум Академии наук. И здесь он же тут образуется, думал я, место хорошее, а Сергей все равно будет жить либо в Питере, либо у себя в Ильинском.

Елизавета встретила меня у дверей и в процессе провожания до мужа успела поблагодарить – оказывается, мои снадобья не только помогли против нервов, но и свели на нет постоянные боли в позвоночнике, которыми Сергей давно страдал. Ну, ничего удивительного, седативное лекарство и должно производить примерно такой эффект, кивнул я.

Великий князь встретил меня в своем кабинете – стоял, всем своим видом показывая, что никакого канцлера к нему не зашло, а вовсе даже имеется пустое место... Я же, наоборот, демонстрировал, что собеседник мне симпатичен – ну, разумеется, не беспрдельно, а так, слегка. Специально для подчеркивания этого я был не в канцлерском, а в авиационном генеральском мундире.

Хозяин не спешил начать беседу, так что пришлось проявить инициативу самому.

– Есть у меня к вам предложение, – сообщил я. – Но позвольте зайти несколько издалека. Вспомните, пожалуйста, что вы думали вечером после коронации, когда поняли, что император возложил решение вашего вопроса на мои плечи?

Елизавета покраснела. Ну, я примерно так себе это и представлял – небось простились друг с другом и слопали по таблетке, после чего легли спать, не надеясь проснуться... Однако получился облом-с.

– Но должен сразу признаться в двух вещах, – продолжил я. – Во-первых, использованный образ действий не является для меня ни единственным, ни даже предпочтительным. А во-вторых, и вы далеко не единственный великий князь...

Собеседник совершенно не понимал, к чему я клоню, так что пришлось пуститься в детализацию:

– В России существует немало людей, стоящих над законом – а именно великие князья. И раз над законом, то получается, что в случае чего призвать их к порядку может только император. Ну делать больше его величеству нечего, кроме как разбираться во внутрисемейных дразгах! А у величества, говорю вам приватно, есть такая черта – если предстоит какая-то неприятная работа, то взять да и спихнуть ее на канцлера... Вот он и спихнул. И ведь я честно рассказал, как представляю себе решение этой задачи! Даже типовой бланк некролога показал. Так единственное, что потребовал государь, – это перед вписыванием туда очередного имени поставить в известность его.

– Это бесчестно, – негромко бросил Сергей, – то, что вы сейчас говорите. Я не верю, что государь мог пойти на такое.

– Не верите или не хотите верить? Вы уж поточнее выражайте свои мысли, пожалуйста. Но продолжаю – мне это тоже не очень импонирует. Нет, есть, конечно, и редкие сволочи, вроде вашего недавнего гостя, но есть и такие, которые идут против государственных интересов по недостатку у кого опыта, у кого мозгов, у кого денег, но выдающегося вреда пока не наносят. Так вот, мне хотелось бы свалить с себя обязанность разбираться еще и с ними. Уточняя, именно на вас свалить. Подайте его величеству проект создания Высочайшего Арбитража – органа для разбирательства внутри императорской фамилии. Тогда по большинству фигур император будет обращаться именно к вам, а ко мне – только в исключительных случаях. Но даже тут за вами остается право требовать высочайшего решения – вы излагаете императору свои доводы, я – свои, и как он решит, так и будет. Обещаю, что такой проект я полностью поддержу. На этом разрешите откланяться, а на прощанье подкину-ка я вам почву для размышлений... Вы случайно не обращали внимания, что все ближайшие соратники нового государя отличаются завидным здоровьем? Так что подумайте, где тут причина, а где следствие.

Мое сидение в Москве объяснялось тем, что в нашей истории именно этот город стал колыбелью первой русской революции. Ну я и решил немного постоять у той колыбельки, чтобы не пропустить момент появления младенчика...

Свободное время я использовал для творчества. Еще в первой своей речи Гоша обещал привлечь лучших представителей народа к управлению государством, и пора было начинать демонстрировать нерушимость слова его величества. С местным самоуправлением у нас уже был георгиевский опыт, так что теперь мэр Георгиевска и по совместительству председатель Российской рабоче-крестьянской партии по моей просьбе писал соответствующий документ. Кстати, партии были уже две недели как официально разрешены – естественно, не имеющие целью насильственное свержение существующего строя. На данный момент зарегистрировались две – та самая рабоче-крестьянская и гучковский «Союз Пятого Августа». Гучков, кстати, успел не только создать партию, но и учинил газету «Голос Москвы», в первом номере которой разливался соловьем про необходимость парламента, во главе которого явно видел себя.

«...И чего это кадеты никак не могут организовать, помочь, что ли», – думал я, читая его откровения.

Разумеется, никакой думы мы с Гошей создавать пока не собирались. Но собрать Всероссийский собор, который якобы выработает основные направления реформ государственности, предполагалось в ближайшее же время. Ну и помочь ему в работе, понятное дело.

Помню, как я еще в том мире прочитал про подобное сборище при Екатерине. Значит, они собрались... Через некоторое время императрица вынуждена была писать указ о том, что во время заседаний депутатам запрещено покидать свои места во избежание мордобоя. Думаете, помогло? Через две недели пришлось распоряжаться еще и о рассаживании этих депутатов таким образом, чтобы ни один не мог доплюнуть до оппонента! Так что я просто собирался возродить богатые традиции русского парламентаризма и не пожалеть пленки на фиксацию каждого мгновения этого процесса. А потом после показа во всех кинотеатрах страны многосерийного боевика «Заседание Собора номер...» Гоша со скорбью в голосе признается, что считать это парламентом он никак не может, так что давайте попробуем вместо такого собора в будущем году организовать другой, поприличней...

Но для должного экшена на этом сборище к моменту выборов партий должно быть как минимум три, так что кадетов действительно стоило поторопить. И, хотя скорее всего делегаты и сами справятся с созданием подходящей атмосферы на заседаниях, на всякий случай в рабоче-крестьянскую группу уже были включены специалисты, которые могли организовать склоку с рукоприкладством не только в готовом к этому коллективе, но и вообще где угодно.

В перерывах своих неустанных забот о развитии либерализма в России я немного занялся и собственным бытом. Ремонт домика предполагалось осуществить после моего отъезда, а пока внизу, на Москве-реке, уже была сооружена пристань для доставленного из Георгиевска торпедного катера, близнеца тех, что использовал Одуванчик – потому как ездить и в Кремль, и в Тушино по воде было существенно удобней. Рядом с будущим Минералогическим музеем, а ныне конюшней, был оборудован мини-аэродром, где уже имелся один «Тузик», так что в Георгиевск я теперь мог добраться за сорок минут.

В самом конце августа я покинул бывшую, а в некотором мире еще и будущую столицу. В Питере меня ждало порядочно дел, но среди них было одно, от результата которого зависело довольно много. Имелась в виду наметившаяся трудность при открытии порталов. Одна гипотеза у меня была, но независимо от нее, если портал таки удастся открыть, надо будет вытащить из той Москвы максимум полезных вещей, на всякий случай – а вдруг он окажется последним?

В Гатчине уже было подготовлено специальное место, когда туда явился Гоша. Мы прошли в большую пристройку к правому крылу, напоминающую гараж-переросток.

– Открываем? – поинтересовался Гоша.

– Давай, – кивнул я.

Портал открылся не то чтобы совсем легко, но все-таки не с таким напряжением, как в последний раз.

– Я ожидал худшего, – признался Гоша.

– Ну а я его допускал. Понимаешь, затруднения могли быть связаны с тем, что какая-то, скажем так, энергия, благодаря которой и получаются порталы, просто подходила к концу. И вопрос тут в том – или нового притока вообще нет, или он есть, но небольшой и нам просто не нужно частить? Похоже, что второе предположение ближе к истине, но на всякий случай все равно работаем по плану «Ковчег».

Нет, мы не собирались тащить в Гошин мир каждой твари по паре. Но вот всем остальным, кроме тварей, чего там нет и еще очень долго не будет, надо было запастись.

Купив «Форд-Транзит» (машина большего размера через портал не пролезла бы), я три дня ездил по Москве и окрестностям, набивая кузов всякими полезными девайсами. И таки набил, да так, что появились некоторые сомнения – а куда тут сунуть Гошу?

Император же трое суток не вылезал из-за компа, скачивая с интернета все, что хоть как-то могло понадобиться.

Мы посмотрели друг на друга, потом каждый – в зеркало и решили денек отдохнуть, чтобы не пугать изможденным видом свои свиты в Гатчине. Сходили на Торбеево половить рыбки, но клевало много хуже, чем у меня в пруду около московского домика. Потом отоспались, Гоша побрился, кое-как утрамбовался в свободный уголок «фордовской» кабины, и мы проехали на десять метров вперед и на сто пять лет назад.

Для хранения всех артефактов, включая «Форд», предполагалось построить спецбазу, а пока помещение было просто закрыто, опечатано и снабжено усиленной охраной с приказом не пускать никого, кроме императора и канцлера.

Гоша уехал в Зимний, захватив с собой небольшой портфель с приобретенными по Машиному заказу мелочами. А через два часа, когда я позвонил ему, чтобы проконсультроваться на предмет условий передачи немцам эскизной документации по экраноплану, величество поразило меня новостью. Оказывается, я по неграмотности не обратил внимания – то, что я покупал для Маши в аптеке, было тестом на беременность. И он таки дал положительный результат.

Ну вот, подумал я, закончив поздравлять Гошу и племянницу. Оно, конечно, здорово, но работоспособность обоих величеств теперь наверняка начнет понижаться. А это означает, что старой, больной и, главное, от природы ленивой светлости придется пахать еще интенсивней...

Глава 7

Ну что, подумал я, просьбу величества можно считать выполненной. Ведь что мне Гоша сказал – «посмотри документы и выработай свое мнение». Посмотрел. Мнение даже вырабатывать не пришлось, оно само образовалось, причем однозначное – бардак! И довольно опасный.

Меня и раньше несколько удивляло, что в России была Академия Генштаба, но самого этого Генштаба не было. Я по умолчанию считал, что это как-то исторически сложилось – ну был одно время Генштаб, потом при нем образовалась академия, потом Генштаб почему-то переименовали в главный, а про академию забыли, бывает...

Действительность оказалась хуже. Не было давно уже Генштаба как конторы! Он всегда был кастой и именно в этом качестве существовал сейчас. Меня сбило с толку само слово, и я еще подумал, не поработал ли тут кто-то вроде меня, любитель давать похожие на правду, но на самом деле предназначенные скрывать суть названия. Генштабисты – вот как правильно называется это явление! И академия называлась правильно, ибо представляла собой не только учебное заведение для подготовки высших офицеров, но и единственный путь, по которому офицер мог пролезть в данную касту. В свете чего недавняя инициатива Николая Николаевича об образовании не подчиненного военному министру Императорского Генерального штаба становилась простой и понятной. Каста разрослась и сорганизовалась настолько, что захотела иметь не только теневое, но и официальное представительство при императоре!

Первая мысль была – а вот хрен вам, господа, перебьетесь. Но, как часто бывает, в процессе размышления пришла другая. Что мы имеем? Грубо говоря, неформальное объединение, желающее стать формальным. Так оно и хорошо, присматривать проще будет! Как, однако, вовремя я попросил Танечку расширить отдел «Джи Пи», который расшифровывался как «генеральские подруги». А вот что Беня в стороне от этого явления – недоработка, но пока еще вполне исправимая.

Значит, Николай Николаевич восхотел свой кусок бифштекса за поддержку Гоши? Законное желание, не будем обижать соратника. Но и обороноспособность страны обижать тем более не следует. Что там писал Шапошников? Что Генштаб – это мозг армии. Но ведь мозгов два – головной и спинной! То есть думать можно как головой, так и нижней частью позвоночника, это уже зависит от особенностей конкретного мыслителя. Значит, в качестве головного сохраняем старый Главный штаб, только его, пожалуй, надо переобозвать... пусть будет главное оперативное управление или что-то аналогичное. И – отдельно – Генштаб, во главе которого поставить Ник-Ника, чтоб не спрашивал, почему это ему питерский округ и гвардию под командование не дали! Значит, получаем место в конце позвоночника, куда надо будет запихнуть всех лишних для армии, но по политическим мотивам еще не подлежащих отставке или несчастному случаю генералов. А чтобы в случае надобности с этим не возникло проблем, в данной конторе нужна будет высокая концентрация вражеских шпионов. Блин, а у меня на примете пока только румынский, за связь с таким порядочного генерала и сажать-то стыдно! Но ничего, Рейли-Рюмин уже заканчивает подготовку, так что одного-двух английских мы с его помощью поймеем, Беня на всякий случай предоставит одного американского, Танечка – французского. А вот откуда в Генштабе возьмутся австрийские шпионы, пока неясно, это надо работать, без них никак. Ну и для красоты, конечно, уругвайский – это будет как вишенка на торте.

Кандидатура на пост начальника настоящего штаба у нас с Гошей уже была – Куропаткин, именно как штабист он не вызывал ни малейших нареканий. Но я хорошо помнил еще с армии, что было, когда комбрига замещал начальник штаба. Грубо говоря, забитие на службу

заметно расширялось. Это я к тому, что над начальником штаба, неважно, полка или империи, должен быть командир части. Военный министр? Вообще-то все его министерство – это контора по распределению, а временами даже хотелось сказать – по пилу бюджета. Так что нехай верховным главнокомандующим будет первое лицо страны, а военный министр – одним из его заместителей, в мирное время курирующим вооруженные силы.

А вот как быть с авиацией и флотом? У флота, пожалуй, разумней будет наличие своего независимого командования вместе со штабом. А вот насчет авиации у меня такой уверенности не было. Пожалуй, все же ее тоже надо будет сохранить отдельной, но с повсеместной практикой оперативного подчинения на уровне крупных формирований и прикомандирования единичных самолетов и эскадрилий. С персоналиями тут ясно – главком у нас Михаил, начальником штаба предложить ему Храбрецова, бывшего моего зама по первой летной школе. В войну именно он командовал Машиной авиагруппой, племянница только водила свою эскадрилью, да и то не всегда.

Кстати, насчет авиационного высочества, недавно получившего генерал-лейтенанта. На днях в Питер для подписания секретного протокола к мирному договору с Японией должен был прибыть принц (или маркиз, кто как переводит его титул) Ито – инкогнито, под видом полковника Хосюмото. Намек понял, мотоцикл подарю, подумал я. Среди сопровождающих полковника лиц было и три особы женского пола, самая молодая из которых ехала еще более инкогнито, чем принц-маркиз, но зато под своим настоящим именем – Масако. Шестнадцатый день рождения ей предстояло отметить в Гатчине.

Танечка потихоньку начала обдумывать черновые варианты, при которых Михаил сам – именно сам! – почувствует интерес к экзотической девушке. Но конкретные шаги, понятно, можно будет планировать только после прибытия оной к нам и некоторой ее здесь акклиматизации. А в общем, тьфу-тьфу, отношения с Японией вроде развивались нормально. Уже не обошлось и без некоторого цирка – сразу после заключения мира армейская разведка отправила туда атташе и при нем кучу шпионов помельче. Учитывая, что английских разведчиков в Токио и до того было более чем достаточно, произошел, как бы это помягче сказать, конфликт между спецслужбами. Победили наши, но как-то неуверенно, по очкам. То есть всего-то только и расколотили очки английскому майору. По разведуправлению ходили слухи, что во всем виновато саке, которое якобы вызывает у русского человека приступы пацифизма на фоне общего упадка сил.

Что интересно, мысль о способе обращения внимания Михаила на Масако подала Мари. Когда полковник Хосюмото со свитой прибыл в Гатчину, ей была представлена японская принцесса, оказавшаяся довольно миловидной девочкой, да к тому же слегка говорящей по-русски – успела что-то выучить, и это не считая английского, который она тоже знала.

– Хорошо, что инициатива исходила от тебя, а не от японской стороны, – задумчиво сказала Мари.

– Это почему же?

– Они вполне могли решить, что дочь императора достойна мужа и с более высоким положением. А по должности выше Михаила, да к тому же неженатый, – это у нас ты.

– Ну, насчет выше еще не факт, но сама мысль интересная... Ты что, собралась мне рожу расцарапать? То есть как это почему решил, ты на себя посмотри. Интересная, говорю, мысль – сделать вид, что эта принцессочка предназначена в жены именно мне, из высших политических соображений. Я, значит, жертвую себя на алтарь отечества. Ты страдаешь, но тоже, как лицо государственное, понимаешь необходимость такого шага. А Михаил, присмотревшись и к нам и к принцессе, вполне может решить одним, так сказать, движением разрубить этот гордиев узел так, чтобы все были довольны. Типа спасти разом и мать и наставника. Ну и принцессу, до

кучи. Так что схожу-ка я к принц-полковнику, потому как обещал ему научить на его же мотоцикле ездить, ну и в процессе поделюсь идеей, такие вещи лучше обсуждать вне протокола.

– И все это только для того, чтобы Мишель не чувствовал себя принужденным к женитьбе? – удивилась Мари. – Дорогой, хоть я и знаю тебя почти три года, но все равно нет-нет да и открывается что-то новое. Такой сентиментальности я от тебя не ожидала... спасибо.

– Пожалуйста, – согласился я, ответив на поцелуй.

Ну, насчет моих высокоморальных побуждений Мари немножко преувеличивала – просто Михаил был из тех людей, которые крайне плохо поддаются принуждению, но зато их легко убедить, что до желаемого образа действий они додумались сами. А даже хоть чуть-чуть портить отношения с младшим высочеством в мои планы не входило совершенно.

Принц-полковник был в общем не против моего маленького спектакля, про Масако он сказал, что все ей объяснит, так что, когда Михаил летел в Питер принимать должность главного ИВВФ, стюардессы в полете под большим секретом поделились с ним новостью – а канцлер-то наш того и гляди женится! Мол, император приказал...

Я встретил Мишеля в канцлерском штандартенфюрерском мундире. Чуть позади в женском варианте той же формы маячила принцессочка – она с папкой в руках хвостом ходила за мной.

Уже на следующий день Михаил осторожно спросил у матери – а обязательно ли в качестве мужа нужен именно канцлер?

А через два дня «Кондор» увозил в Георгиевск не только нового главкома ИВВФ, но и женскую часть японской делегации – две дамы сопровождали Масако, которая летела на Георгиевскую киностудию, чтобы поработать там кинозвездой. А еще самолет вез мои пометки на ранее присланных мне бумагах от авиационного КБ и недавно созданной на автозаводе танковой группы.

Будущие танкостроители начали свою деятельность с неприкрытого пессимизма. Во-первых, писали они, шестицилиндровый тринклер вместе с расположенной по его оси коробкой поперек танка никак не влезет, так что коробку придется отделять. Во-вторых, добавили они черной краски, коленвалы для таких движков идут плохо. Да, на дирижабли ставятся именно они, но ведь те дирижабли делаются по несколько штук в год! А с выпуском сотен изделий возникнут серьезные проблемы. Так что они предлагали ставить на наши будущие танки четырехцилиндровый тринклер о ста двадцати силах, предназначенный для тяжелых грузовиков.

Но раз мощность меньше, следовал далее вывод, то и вес придется ограничить десятью, в крайнем случае двенадцатью тоннами.

Потом шел плач о том, что вращающаяся башня тоже ставит крест на массовости, это же не линкор!

В общем, когда я писал техзадание, у меня перед глазами было что-то вроде самоходной гаубицы «Гвоздика». А конструктора утверждали, что сделать можно только аналог «СУ-76», известной в основном под именем «Голожопый Фердинанд», да и то в сильно упрощенном виде.

У авиаконструкторов перекося был прямо в противоположную сторону. Миронов с Гольденбергом писали, что указанная в ТЗ на новый истребитель скорость в триста двадцать является заниженной. С пятисотильным движком мы преодолеем четырехсоткилометровый рубеж! А дальше шел рассказ, как они этого добьются.

За основные баки в крыльях буду убивать, написал я в своем резюме. Пушки в центроплане истребитель тоже отнюдь не украшают. Куда броню дели, гении? Взлетать на колесах из фюзеляжа, убирающихся в крыло, заставлю самих. А учитывая, что эти колеса десятидюймовые...

Ну поймите же вы, писал я им, что никакая скорость не может достигаться за счет уменьшения боевой живучести и простоты обслуживания! Иначе получится, что самолет-то отличный, но летчики на нем горят и бьются, а механики при всем желании не могут обеспечить даже одного вылета в сутки – в среднем, естественно.

В общем, надо будет выкроить денька два и слетать в Георгиевск – пока еще из всей молодой смены только Тринклер уже не нуждался в постоянном присмотре, а остальных периодически куда-то заносило.

Узнав, что я собираюсь на берега Нары, Гоша тоже набился в попутчики – не то чтобы инкогнито, но никого не предупреждая и без помпы. По-моему, он и сам толком не понимал, что ему там понадобилось – скорее всего, проявилась ностальгия по тем буколическим временам, когда он был простым наследником престола, имел всего-то несколько заводов и жил в глухой провинции. Я тоже не стал предупреждать аэродромную команду, так что, когда вслед за мной из самолета вылезло величество, это явилось для местных некоторым сюрпризом. Но Гошу тут хорошо знали, так что обошлось без верноподданнической истерии. Гоша велел объявить, что завтра с утра будет встреча с общественностью Серпухова и Георгиевска, и отправился в бывший свой дворец, а ныне резиденцию главкома ИВВФ – за ним там еще оставался кабинет с прилегающими комнатами. На мою сараюшку никто и не претендовал, так что я пошел не в бывший, а продолжающий оставаться моим дом. Встречи с авиа – и танкоконструкторами планировались на завтра, а пока я хотел побеседовать с лидером местных профсоюзов, председателем партии рабочих и крестьян георгиевским мэром Михеевым, который уже ждал.

– Ну, – сказал я ему, – я по поводу ваших дополнений в документы о местном самоуправлении. Честно говоря, в вашей записке мне было понятно далеко не все. То есть осталось не очень ясным главное – а зачем они вообще тут нужны, эти императорские представители?

Михеев рассказал. Мне сразу вспомнилось – «нет повести печальнее на свете...». Став мэром, Михеев через некоторое время столкнулся с проблемой – старые чиновники не желали его признавать! Не наши, в Георгиевске никаких старых не было, но тот же серпуховской градоначальник его в упор не видел! Тоже мне, шишка, голова пятитысячной пристройки к огромному, по нынешним временам, промышленному центру... а все оттого, что Георгиевск стоит чуть в стороне от железки и поэтому там до сих пор нет своего пассажирского вокзала.

– Не подумайте, – закончил Михеев, – что я прошу у вас конкретной помощи. Я понимаю, что вы даже вызывать к себе этого градоначальника не будете, а поручите кому-нибудь по телефону объяснить ему, кто он есть и чем это чревато. Но ведь в каждый уезд вы никак не попадете!

– Ну, может, в каждый и не понадобится, – засомневался я, – не везде же такой дурак будет в начальниках сидеть. И представитель императора при каждом избранном мэре, и тем более земском голове, это слишком. Давайте я лучше организую какой-нибудь... ну, скажем, отдел охраны демократии. То есть как только ее начинают обижать – тут же приезжают компетентные сотрудники и учиняют статус-кво. Говорите, не всякий мэр начнет жаловаться? С этим я еще могу согласиться, а вот с тем, что никто из его подчиненных не напишет доноса, – нет. Про ваши трения с серпуховским градоначальником у меня есть уже три бумажки от прогрессивной общественности, не считая рапортов командира охранной сотни, серпуховского полицмейстера и, разумеется, шестого отдела.

Очень нужный будет отдельчик, подумал я. Потому что сначала он будет защищать новожденную демократию от агрессивного внешнего мира, а со временем и наоборот – мир от нее.

Глава 8

С утра я отправился на автомобильный завод, где недавно созданное КБ бронетехники мучилось с вопросом, а на что же вообще будет похоже их первое изделие. Поначалу в документах его именовали «бронеходом», но я это быстро прекратил, указав, что название, в достаточной мере раскрывающее суть изделия, для военной техники является неприемлемым. Поэтому все, имеющее броню, гусеницы и пушку, предлагалось называть танком, от английского «tank» – пусть непосвященные считают их самоходными цистернами.

Послушав их доводы про желательность смягчения ТЗ, с которыми я согласился – например, с четырехцилиндровым движком вместо поначалу намеченной шестерки. Попытки поставить катки на рессоры я отмел – только торсионы. Но вообще общая концепция мне чем-то не нравилась...

Вникнув в эскизы, я начал потихоньку понимать чем. Чтобы мои мысли стали более понятными, не мешает небольшая экскурсия в прошлое – ну или в будущее, это смотря как считать.

За пару лет до знакомства с Гошей моя племянница выступила в скутерных гонках, в классе семьдесят кубиков. Да уж, класс был тот еще... моторчик объемом с треть стакана развивал двадцать сил! Табуретка весом в шестьдесят килограммов за несколько секунд разгонялась до сотни, а максималка была в районе ста двадцати – таковы были обычные параметры гоночных скутеров. Естественно, что столь дикая форсировка весьма отрицательно сказывалась на ресурсе. Так вот, я все же чуть уменьшил ей мощность и утяжелил раму, вварив более массивные, чем у остальных, распорки. В результате Маша заняла первое место в гонке, ни разу не поднимаясь выше третьего на этапах! Просто потому, что ее агрегат ни разу не ломался прямо на трассе.

Так вот, представленное на мое рассмотрение изделие навевало мысль как раз об этой ситуации.

Для скорости в тридцать километров движок должен был крутиться на максимальных оборотах. Пальцы для гусениц были рассчитаны впрытик. Коробка от грузовика с максимальным полным весом в семь тонн должна была передавать момент для движения пятнадцатитонной махины. В общем, по допускам и запасам получалось нечто вроде «Т-34» первых выпусков, когда моторесурс в сто часов являлся малодостижимой мечтой. А «ДТ-54» моего деда-тракториста протарахтел пятнадцать лет!

В общем, я занялся решительным урезанием. Лобовую броню с тридцати миллиметров пришлось сократить до двадцати, остальную до десяти-пятнадцати. Башня на первых выпусках становилась-таки, к радости конструкторов, невращающейся. Вместо обычной трехдюймовки туда предполагалось ставить ее горную модификацию или вообще сорокасемимиллиметровку Гочкиса, просто потому, что на флоте их было около тысячи, а прошедшая война показала полную непригодность такого калибра для решения любых задач на море.

Зато легкий броневики вопросов не вызывал. На «Оку» вместо двухтактника поставили оппозитный четырехтактный мотор, в результате чего она конструктивно еще более приблизилась к «Кубельвагену», слегка забронировали и увенчали пулеметной башенкой, а точнее, вращающимся колпаком для головы и плеч пулеметчика. Эту коробку уже начинали строить, и я предполагал довольно большую массовость, ибо девайс предназначался в основном на экспорт. Чертежи и данные броневики вторую неделю обсуждались с немецкой делегацией, которая при виде этих бумаг впала в энтузиазм. Кстати, немцам бронеока предлагалась под именем «Pz-1» – это я, не думая, черкнул на титульном листе такие буквы. Потом, когда гансы поинтересовались, что сие означает, я сообразил, что расшифровку немецкой аббревиатуры не

помню. Панцер... кампф... какой-то ваген... а «зет» откуда взялась? Разумеется, в интернете я бы это выяснил за минуту, но тут, в самом начале двадцатого века, пришлось импровизировать. То есть поспешно сочинять, будто это сокращение от общеизвестного русского слова, в приличном обществе не рекомендованного к произнесению вслух и означающего очень большую и неожиданную неприятность. Разумеется, для противника.

В самолетах я разбирался по определению лучше, чем в бронетехнике, так что и участие в разработке будущих машин мог принимать более серьезное.

Определяя модельный ряд нашей авиации, следует исходить из возможностей производства, считал я. Возможности же были умеренные.

Первый авиазавод в Георгиевске, по сути, представлял собой опытное производство и за четыре года своего существования выпустил около трех сотен самолетов – правда, очень разных.

Завод в Иркутске был крупнее и лучше приспособлен для серийного производства, но опыт показал, что одновременно могут делаться не более двух моделей, и то они должны быть похожи по технологии. На нем было решено строить небольшие самолеты смешанной конструкции. Для цельнометаллических уже начали готовить площадку под будущий завод, который должен был образоваться на краю Москвы, примерно там, где сейчас метро «Сокол».

Самолетов смешанной конструкции я предполагал иметь два – истребитель и штурмовик, настала пора разделять эти типы. По конструкции они предполагались похожими, но штурмовик должен был иметь неубирающиеся колеса, побольше брони и оружия. Истребитель же мне представлялся типичным самолетиком по поликарповской схеме, нечто вроде «И-16», но не такой толстомордый из-за меньшего диаметра двухрядной звезды. И попроще в пилотировании, ибо в основном это должна быть именно учебная машина, к войне, если не напортачим со сроками, она все равно уже устареет.

Для московского завода потихоньку начали прорабатываться эскизы фронтового бомбардировщика, сына «Кошки», с названием, естественно, «Котенок». От мамы он отличался несколько большими размерами и вдвое большей мощностью движков, а также тем, что ему предстояло стать первым в мире цельнометаллическим самолетом, благо нам наконец-то удалось запустить один большой пресс, а второй был на грани этого события.

Со стратегическими бомберами я решил пока не связываться – рано.

В качестве первоначально-учебного, связного и народнохозяйственного самолета мы собирались оставить «Тузика», только заменив ему двухтактник на трехцилиндровую звезду.

Но отдохнуть душой удалось только один день, а потом снова предстояло возвращение в Питер, где Максим Исаев по фамилии Рюмин докладывал, что готов к жизни в шкуре Сиднея Рейли по фамилии Розенблюм.

Через три дня Нью-Рейли отправился в Киев, чтобы там связаться с англичанами – якобы все это время он скрывался от найденовских ищек (несчастный случай с хорошо знавшим его лично полковником уже произошел). По дороге суперагент не терял времени зря и организовал хоть и небольшую, но жутко оппозиционную либерально-социалистическую партию и теперь собирался требовать финансовой поддержки, намекая, что при ее отсутствии партии не останется другого выхода, кроме как легализоваться.

А я сел анализировать ситуацию в России на предмет ее революционности.

Вроде получалось, что классической революционной ситуации пока нет. Да, верхи теоретически не могли править по-старому, потому как Гоша требовал от них новаций, а больше половины к ним было решительно не готово. Впрочем, довольно значительная часть вообще ни по какому править не могла, ибо была занята воровством и взяточничеством. Низы тоже не хотели жить по-старому – они надеялись, что новое царствование им вот прямо сразу даст

если и не все, то хоть что-то! Впрочем, выкупные платежи за землю Гоша отменил в манифесте от пятого августа.

Но второго пункта, резкого обнищания народа, не наблюдалось. Третий тоже был под вопросом – пока имеющаяся активность масс почти целиком уходила на выборы делегатов в Собор.

Однако расслабляться не стоило – забастовки происходили все чаще, и в них начали засвечиваться и политические требования. Кстати, в том же манифесте была объявлена и свобода забастовок, кроме как на оборонных или выполняющих оборонный заказ предприятиях, а также на железной дороге и телеграфе.

Насчет свободы слова мы сделали такой финт – специальным указом в порядке эксперимента сняли цензуру с московского желтого листка «Копейка» и двух аналогичных питерских. Владельцы же были неофициально предупреждены, что пользоваться свободой надо с умом, тогда точно получится воспользоваться вдруг свалившимися на них вместе со свободой приличными деньгами... В общем, уже второй месяц эти газеты трудолюбиво обсирали все и всех. А Гоша собирался вставить в свою речь на Соборе вопрос – типа она нам очень нужна, такая свобода? Больно уж воняет мерзко...

Реорганизация высшего образования готовилась в глубокой тайне, а пока студенты увлеченно бузили, не зная, что на халяву это у них выходит последние месяцы, а потом придется либо оплачивать такой образ жизни, либо решительно его менять. Нам же время было нужно еще и для того, чтобы на вербовать в этой среде достаточное количество осведомителей. Кстати, уже просматривалась закономерность – технические вузы оказались меньше подвержены революционному влиянию.

А как раз в это время в Лондоне, в здании Форин Офис, происходила интересная беседа, про которую я узнал только через несколько лет. Одним из собеседников был директор только что образованной МИ-6 – новой британской спецслужбы. Вторым – мой не то чтобы хороший, но все же знакомый сэр Эндрю Нэвил Пакс. И занимался он тем, что вкратце пересказывал содержимое своего объемистого доклада о том, кто есть такой инженер Найденов.

– Так вот, – продолжал сэр Пакс, – я считаю, что говорить о Найденове как об инженере является ошибкой. Если, разумеется, основываться не на слухах, а на достоверных данных. Итак, что говорят слухи? Летом 1899 года неизвестно откуда взявшийся господин вылечивает наследника от туберкулеза и строит ему аэроплан. Первое событие подтверждено и сомнений не вызывает, второе – наоборот. Если внимательно присмотреться к трем имеющимся снимкам этого якобы аэроплана, то на одном вообще ничего не видно, а два других показывают элементы конструкции, которая никак не может летать, заключение экспертов прилагается. Просто тогда этого еще никто не знал.

Далее, практически одновременно происходят три события. В Серпухове появляется Густав Тринклер, два студента из Москвы, и вскоре первый в мире аэроплан действительно поднимается в воздух. Опять же по заключению экспертов, он представляет собой нагромождение едва ли не всех возможных ошибок, которые можно сделать при конструировании. Вкратце: появились новые люди – и появилась новая техника, поначалу несовершенная. В дальнейшем события всегда происходят по этому сценарию. В Георгиевске появляется новый человек – и сразу за этим событием происходит рождение какой-то новой машины. Я считаю, что гениальный инженер Найденов – это миф. Есть личность, чьи таланты лежат в совершенно иной области. Он умеет лечить людей, это проверено. Он умеет находить нестандартно мыслящих и выбирать из них лучших. Возможно, наши ученые со временем подведут под это научную базу, пока же это следует принимать как необъяснимое, но неоднократно подтвержденное явление.

Отсюда следует два вывода. Первый – поздно тратить силы и средства на ликвидацию Найденова, он уже нашел, а Георгий пристроил на нужные места достаточно людей, которые обеспечивают новый курс России. Второй – надо внимательно отслеживать появление около Найденова новых лиц с целью заранее понять, что именно они будут делать. Кстати, одно из таких лиц подлежит особенно внимательному изучению – это Налетов. То, что вся его деятельность связана только с катамаранами, я не верю. Наверняка он занимается еще чем-то, подозреваю – подводными лодками. Даже не лодками, а крейсерами! Если допустить наличие у русских таких кораблей, некоторые необъяснимые события прошедшей войны становятся понятными.

– Простите, но тогда появление в Георгиевске Циолковского означает...

– Совершенно верно. Хотя это кажется беспочвенной фантазией, но я не удивлюсь, если через некоторое время русские приступят к воплощению идей этого господина. И еще один момент, на который я хотел бы обратить ваше внимание. Если предположить, что сам по себе Найденов не является гениальным изобретателем, а может только находить таковых и создавать им условия для работы, то не обратить ли внимание на его политическую деятельность? Тут тоже есть странность. Первый год своего пребывания около Георгия он остается в тени, про него мало кто знает. Но вдруг в Георгиевске появляется некто Татьяна Князева, и тут, как по волшебству, у Найденова сразу проявляются и недюжинные политические способности, и хорошо продуманная жесткая линия, которую он тут же начинает энергично проводить в жизнь... Это тоже вопрос, нуждающийся в дополнительном исследовании.

Но, как я говорил, копию этого документа мы получили только через несколько лет, а пока информация ограничилась тем, что создано это самое МИ-6 и что Пакс стал там начальником русского отдела. На встречу с Рейли он не поленился приехать лично и первое, что спросил, – встречался ли его собеседник с Татьяной Князевой. Получив дважды правдивый ответ «да», ибо с этой дамой встречался и Розенблюм, и Рюмин, Пакс был слегка разочарован и предложил Рейли посетить город Николаев. Вопрос с финансированием партии он обещал решить в ближайшее же время.

А через некоторое время на очередном докладе Татьяна, посмеиваясь, сообщила мне, что к ней подбивают клинья.

– Кто? – поинтересовался я.

– Саша Янушкевич.

– Постойте, это не генерал из окружения Ник-Ника?

– Нет, это его двоюродный племянник. До недавнего времени работал помощником у Сазонова в Лондоне, а теперь вот вернулся к родным пенатам. Красавец мужчина, между прочим.

– Хотите сказать, что вы не устояли?

– Шеф, ну как вы могли такое подумать? Я же замужем! И нарушать верность своему супругу никак не могу, во всяком случае без консультации с вами. Да и не очень охота, честно говоря, повод-то незначительный.

– В общем да, то, что английская разведка вами интересуется, это не секрет. Что думаете делать?

– Пусть поухаживает маленько. Поначалу я создам у него мнение, что верна мужу, но это преодолимо. Потом – что на самом деле я верна вовсе даже другому человеку, упоминать которого все категорически не рекомендуется. А за это время надо будет решить, брать его для обработки или использовать втемную.

– Ладно, подумаем. А удалось ли вам зафиксировать хоть какие-нибудь слухи о последнем увлечении кайзера?

– Что удивительно, никаких. То есть и сам молчит как рыба, и пара человек из его окружения, подозревающие об этом, тоже своими подозрениями ни с кем не делятся. Получается, могут немцы хранить тайну, если им это надо...

– Вот я как раз про это. Скоро туда выезжает делегация от Бени проверить меры по обеспечению секретности. Так что вы прикиньте, кого из ваших сотрудниц туда надо включить официально, а кого и не очень.

Ну вот, подумал я, Генштаба еще нет, я еще только соображаю, где взять английского шпиона для заполнения вакансии, а тут он сам объявляется... Красота! А Танечка молодец, что не проявила поспешности и не поддалась на его обаятельность, это еще надо подумать, перед кем правильнее будет не устоять – перед этим племянником или его дядей. А Танечке я сказал:

– Пошлите человека на мой склад, там для вашей службы имеется полтора кило противозачаточных таблеток и два с половиной – презервативов, на этот квартал нормы увеличены, как вы и просили.

Глава 9

...Куда уехал цирк, уехал он куда? Да в общем-то не очень далеко, в Москву, на Старую площадь, думал я в канун Нового года, улицы имени которого в той же Москве еще не было. Собор закончился, изрядно повеселив народ, так что Гошин вердикт о том, что в существующем виде этот орган принимать государственные решения практически не способен, был встречен с пониманием. Депутаты разъехались, оставив небольшую Учредительную комиссию, которая должна была озаботиться вопросами созыва и регламента Второго собора. Я написал статейку по состоявшимся результатам работы большого сборища и предполагаемым – малому. Получилось неплохо, отдельные выражения из нее потом неоднократно цитировали. Но образовалась небольшая тонкость. Дело в том, что председателем этой комиссии был Гучков. И сейчас его брат не поленился приехать в Питер, чтобы лично вручить мне вызов на дуэль.

Я еще раз прочитал красиво оформленную бумажку и поднял глаза на собеседника.

– Жаль, жаль, – вздохнул я, – мне так хотелось надеяться, что в лице вашего брата я получу нормальную конструктивную оппозицию, между нами, Милюков на нее совершенно не тянет, противный он какой-то... Может, ну ее, эту дуэль, тогда и убивать никого не придется?

– Вы собираетесь извиняться?

– Не собираюсь сам и не жду ничего подобного от Александра Ивановича.

– Тогда о чем идет речь? Или, как говорили нам некоторые, вы поручите дело своим подручным? Александра этим не запугаешь.

– Не буду, – покладисто согласился я, – и потом, какие еще в дупу подручные? Он же лично меня вызывает! Не скажу, что собственноручно урывать его является мечтой всей моей жизни, но перепоручение этого дела заместителям отрицательно скажется на имидже, так что придется самому. Я же, как лицо вызванное, вроде имею право на выбор оружия?

Гучков-старший кивнул.

– Тогда мой выбор – истребители российского ИВВФ «Бобики» первой серии.

У собеседника вытянулось лицо. Я же продолжил:

– Вы не откажетесь передать несколько советов Александру Ивановичу? То, что у него есть пилотское удостоверение с Ходынки, это ерунда. Вот разрешение, по нему ваш брат может являться хоть в Гатчину, хоть в Георгиевск и тренироваться по двести пятьдесят рублей за час. Инструкции по пилотированию и наставление по воздушному бою ему выдадут. Да, на всякий случай – пусть наденет в полет нормальные очки! А то с пенсне на носу он и без моей помощи гробанется. Ну и перед дуэлью настоятельно рекомендую пару раз прыгнуть с парашютом, всего-то по шестьдесят рублей. Сроки – как Александр Иванович будет готов, пусть согласует с моим секретариатом. Все? Спасибо за приятное общество!

Следующим посетителем был еще один делегат, Павел Рябушинский. Ну, этот вряд ли по аналогичному поводу, подумал я и оказался прав. Человек хотел организовать автозавод и пришел ко мне насчет лицензий на производство машин и мотоциклов.

– Перед вами два пути, – объяснил я ему. – Один – обратиться в секретариат ее величества Марии (блин, чуть не ляпнул «Маши»!) Первой.

По лицу собеседника было заметно, что безудержного восторга эта идея у него не вызывает.

– Ага, значит, порядок сумм вы себе представляете, – хмыкнул я, – а также то, что производить хоть что-то едущее в обход наших патентов вряд ли получится. Но есть и несколько иной путь – сотрудничество со мной. Тонкость тут в том, что я не предприниматель, а инженер и политик. А это означает, что прибыль с этого завода вы будете получать в той мере, в которой это не противоречит моим инженерным и политическим целям.

– Это интересно, – оживился Рябушинский. – Можно подробнее?

– Пожалуйста. Чертежи основной модели и оборудование для производства ее двигателя, сварочные агрегаты плюс разработка конвейера – это мое и оценивается в сорок девять процентов. Объемы производства – как минимум десятки тысяч в год. Основная модель – предельно дешевое авто, попроще «Оки», с ценой не более пятисот рублей. И легкий грузовичок примерно на полтонны на ее базе. Это, так сказать, инженерная часть. Политическая же состоит в том, что этот завод должен стать одним из первых частных предприятий, уровень оплаты труда и социальных гарантий на котором не будет уступать георгиевским заводам. Если мои условия вас устраивают, можете рассчитывать на мою полную поддержку. Ах да, чуть не забыл! Этот автомобиль должен называться «Чайка».

Любой человек, смотревший кино «Операция «Ы», без проблем сказал бы, на базе какого прототипа будет делаться эта птичка.

Вечером меня навестил Гоша. Он сообщил мне о нормальном здоровье супруги, хотя прекрасно знал, что уж об этом-то я в курсе не хуже его, слегка пожаловался на некоторые финансовые трудности – кредитов нет, французских – уже, немецких – еще. Впрочем, мы наметили сгладить эту проблему выпуском государственных чеков для безналичных расчетов между предприятиями, так что Рябушинский подсутился вовремя.

– Ну а с Гучковым никак мирно разойтись не получилось? – поинтересовалось величество.

– С этим бретером? С ним разойдешься, как же... Главное, обаятельный ведь, даже жалко его... того...

– Обязательно?

– Сам думаю. С одной стороны, в какой-то мере он нам союзник. Правда, у нас уже был один такой, ты еще на его похоронах прочувствованную речь говорил, помнишь? В лице злодейски убитого Сергея Юльевича мы потеряли... Блин, уже забыл, кого именно. И этот из той же серии. И не в том дело, что он видит Россию конституционной, я бы даже сказал, весьма конституционной монархией с собой во главе парламента, хотя меня такая перспектива и не вдохновляет. Гораздо хуже, что он злейшего врага России – мировую финансовую олигархию – считает другом и союзником! Ну и последнее соображение. Ты у нас немножко авантюрист. Я в общем-то тоже. На Маше в этом отношении вообще пробы негде ставить. И так перебор, а тут еще один, да такой, что сойдет за полтора имеющихся? Не, на фиг, на фиг нам такое счастье. В общем, буду целиться по мотору, а там уж как получится. Или все-таки сразу по баку? Дилемма, однако.

– Сейчас решим, – обнадежил Гоша и достал из кармана монету-червонец. – Орел – бак, Ники – мотор. Бросаю... М-да. Интересно, с какого это ракурса надо атаковать «Бобик», чтобы разбить движок, не задев ни бака, ни пилота?

– Спереди-сверху, понятно, – хмыкнул я, – пожалуй, мне тоже раз несколько потренироваться придется, чтоб не опозориться перед кинокамерами.

– Снимать будешь?

– А как же. И после дуэли оба самолета загоню коллекционерам, то есть мой самолет и его обломки. Билеты на аэродром, само собой... Дуэль дуэлью, а про бабки сам только что жаловался! На биржах, правда, это вряд ли вызовет какие-либо колебания...

– Не факт, – задумался Гоша. – Знаешь, я, пожалуй, поеду, надо прямо сейчас с Машей посоветоваться.

Ну вот, думал я через полтора месяца, в этот день люди будут от дам получать подарки и поцелуи, а я тут мерзну на высоте... Десятое ведь февраля на дворе! По европейскому календарю – двадцать третье. А все гуманизм, черти бы его драли! Была ведь мысль провести бой на малых высотах, там теплее, но в этом случае оппоненту не светило воспользоваться парашютом. Так что пришлось быстро набирать пару километров, потом ждать, пока сюда приползет

Гучков, потом смотреть, как он на ровном месте срывается в штопор... Видно, вспомнил, что в этом случае надо бросить управление, потому как вышел и опять полез вверх. Ладно, хватит ему набирать высоту, подходим сзади, смотрим, как реагирует. Никак? А, понятно, ему не до окружающего, удержать бы самолет... Я обогнал противника, сделал широкий вираж и зашел ему в лоб. В центре винта приближающегося самолета заплескали вспышки – Гучков открыл огонь. С полукилометра. Снайпер, однако! Трасса очереди прошла метрах в ста от меня. Я сделал боевой разворот и оказался на параллельных курсах с Александром Ивановичем, метрах в трехстах выше. Естественно, он меня потерял, но не суетился, не вертел головой, помнил, чем это у него кончилось в первый раз. Ладно, снижаемся. Примерно с пятидесяти метров я дал две короткие очереди. Как там «Пересвет» с оператором? Нормально, ракурс хороший, снято должно быть качественно. Еще, что ли, дубль устроить? Нет, поздно – противник клюнул носом, его мотор выплюнул клуб черного дыма и встал. Хорошо хоть, что заклинило его с винтом в горизонтальном положении, так проще и лететь и садиться. Или он прыгать будет? Вот, завозился в кабине, привстал... Ну что ты будешь делать – застрял, урод!

Самолет тем временем перешел в крутую спираль. Гучков оставил тщетные попытки покинуть машину и снова взялся за управление. Да куда же он летит, козел? Прямо в Приемный парк! Впрочем, это ничего, там дома стоят довольно редко. И гляди-ка ты, вроде восстановил контроль над машиной, выровнял ее над центральной аллеей и явно собирается садиться. Интересно, аллеи ему хватит? И где «Пересвет» с киношниками?

Аллеи Гучкову практически хватило – в подъезд стоящего в конце нее дома он вмазался, имея всего около двадцати километров скорости. Дом этот был Таниной гордостью, рестораном «Путаниум».

Я посмотрел, как, мягко говоря, полуодетые сотрудницы заведения вытаскивают авиатора из кабины, жестами показывают мне – «жив, травмы несерьезные», потом убедился, что киношники на «Пересвете» тоже подросли к финалу, и полетел на аэродром.

С КДП я позвонил в «Путаниум», где мне сказали, что небесный гость приведен в себя, поцелован, перевязан и сейчас ему выписывают счет за разгромленный парадный вход. В общем, с клиентом все в порядке, он в надежных руках, подумал я и велел готовить заранее пригнанный в Георгиевск «Тузик» с Нескучного – лететь мне предстояло именно туда. Во-первых, наконец-то был закончен евроремонт моего дома. А во-вторых, мне предстояла встреча с довольно интересным человеком.

Младший брат Павла Рябушинского, Дмитрий, в начале века решил посвятить себя науке, а именно – аэродинамике. Для чего с целью повысить образование он выехал в Германию, а через неделю после этого в Серпухове состоялся полет моего первого «Святогора». Тогда Дмитрий переключился на теорию авторотации воздушного винта. Достигнув успехов в разработке этой теории, он совсем было собрался перейти к экспериментам, но тут в Берлин приехал некто Найденов и подарил кайзеру автожир – то есть аппарат, летающий на принципе той самой авторотации. Дмитрий снова переключился и приступил к разработке теории космических перелетов. И вот, прочитав в газетах, что в России и на это уже есть государственная программа под патронажем Найденова, он вернулся на родину и послал мне просьбу о встрече.

Казалось бы, вопрос ясный – человек пришел сам, бери его и нагружай созданием ЦАГИ. Но все было не так просто. Дмитрий Павлович был выдающимся ученым. Он был и неплохим администратором, но в качестве руководителя института с хоть сколько-нибудь широкой тематикой не годился совершенно – весь институт просто стал бы его дополнительными руками. Но это – еще полбеды. Он был глубоко убежден, что исследования надо проводить по следующей схеме – например, ученый что-то этакое открыл. После чего он должен написать свой доклад на трех языках и отправить материал в европейские и американские издания! А потом

на симпозиумах обсуждать с зарубежными коллегами тонкости отдельных частных случаев... Поэтому я не решился допускать его до настоящей аэродинамики.

За кофе я извинился перед своим гостем, что непреднамеренно реализовал его идеи, причем несколько раз подряд. Он посмеялся, после чего мы перешли к делу.

– Знаете, – сообщил я ему, – у меня, даже с помощниками, времени разрабатывать все интересные вещи категорически не хватает. Ну вот, например, такое дело. Понадобился мне как-то жидкий гелий, для чего – сейчас неважно. Получил я его, процесс геморройный, но в разумных пределах. И обнаружил интересное свойство некоторых погруженных в него материалов – ртути, например. Как вы наверняка в курсе, с понижением температуры электрическое сопротивление металлов падает. Так вот, в этом падении есть скачок – при определенной температуре оно мгновенно перепрыгивает в ноль! Именно в полный ноль, ток в замкнутом проводнике не прекращается до тех пор, пока этот проводник находится в гелии. Я назвал это явление сверхпроводимостью и отложил – ну просто нет у меня сейчас никакой возможности этим заниматься. А вообще-то, возможно, например, такое применение. Берем кольцевой резервуар с жидким гелием и проводником внутри. Генерируем в проводнике ток. И располагаем так, чтобы плоскость круга была перпендикулярна магнитным силовым линиям земного поля. Что произойдет?

– На каждую точку проводника начнет действовать сила, направленная по нормали от центра круга. В целом их результирующая будет равна нулю.

– Вот именно. А теперь заэкранируем от поля нижнюю часть нашего кольца. Результирующая станет отличной от нуля, так? И если кольцо будет достаточно легким, оно взлетит.

– Тут же ток в нем уменьшится, и на какой-то высоте наступит равновесие... – понял собеседник. – Нечто вроде аэростата, только на электромагнитной основе! Этаким магнитостат. Не привязанный к атмосфере, то есть способный покинуть ее пределы.

– Так не хотите ли заняться этим делом? При необходимости государство окажет вам финансовую помощь, ну а я – консультативную, само собой.

Покинул меня уже не просто Дмитрий Рябушинский, а без пяти минут директор Электромагнитного института. Интересно, сколько времени ему потребуется, чтобы понять – предложенная мной схема на постоянном токе не будет работать принципиально? Мне на это в свое время потребовался почти год. Правда, в свое оправдание могу сказать, что я тогда учился в девятом классе.

Так что пусть думает, глядишь, хоть и в теории, но родится магнитный дирижабль переменного тока.

Глава 10

Двадцать седьмое апреля тысяча девятьсот пятого года выдалось весьма насыщенным. С утра я приехал в Зимний, где поймал на минутку вышедшее от Маши величество и поздравил его с тридцать четвертым днем рождения. Гоша отмахнулся, что было неудивительно, ибо императрица собиралась начать рожать. Потом в честь тезоименитства начали бабахать пушки на кораблях, что не понравилось Маше, и Гоша велел обеспечить прекращение звуковых эффектов. Я сходил на узел связи и, лично позвонив Макарову, попросил временно прекратить пальбу. Наконец к обеду мне родили внучатого племянника. Я еще раз поздравил Гошу, с еще меньшим успехом, чем в предыдущий раз. Попросил его узнать у супруги – а теперь-то пострелять можно? Он сходил и с виноватым видом – мол, понимаю, что каприз, но ведь имеет же она на это право! – передал решение императрицы – пусть бабахнут разок, она посмотрит на маленького, если ему не помешает – ладно, нехай развлекаются.

В результате в открытое окно уже довольно давно доносилась стрельба. Впрочем, это было неплохо, потому как повышало возможность не зевать от монотонного жужжания собеседника. Кстати, до чего он уже успел добраться?

Гость бубнил:

– ...возвращаюсь, однако, к вопросу о мелкой земской единице. Из произведенного мною в течение предшествующего лета ознакомления с деятельностью волостных правлений в нескольких уездах трех различных по их особенностям губерний я пришел к убеждению, что местные хозяйственные интересы еще вовсе не будут обеспечены одним включением в состав волостных обществ всех проживающих в пределах волости и владеющих в них недвижимой собственностью лиц других сословий, хотя бы это и сопровождалось объединением мелких волостей в одну более крупную – дело в том, что значительное уменьшение числа волостных центров с соответственным увеличением территории отдельных волостей было бы сопряжено, в особенности при нашем бездорожье, со значительными неудобствами для населения, имевшего постоянную надобность обращаться по самым различным вопросам в волостные управления...

...Он что, в детстве пономарем работал? – с некоторым даже уважением подумал я. – Ведь второй час нудит, и не то что не охрип, но даже и не сбился ни разу! Даже жалко, что у нас КПСС нету, вот кому бы на съездах отчетные доклады зачитывать!

Чтобы отвлечься, я попробовал на слух определить калибр стрелявших орудий. Но не удалось – не так уж много стрельбы из морских орудий я слышал в Порт-Артуре, а тут еще небось и холостыми палили. В общем, стало ясно – мой первоначальный план дожидаться, пока оратор устанет, с треском провалился.

С премьером Столыпиным мы общались мало – он не лез в мои дела, то есть в спецслужбы и технико-промышленные вопросы, я – в его. Но когда премьер подал на высочайшее рассмотрение свой проект аграрной реформы, Гоша повелел ознакомить с ним меня. Вот премьер и отправил ко мне своего зама, по здешнему – товарища, Владимира Иосифовича Гурко. Судя по всему, с совершенно явными инструкциями.

– Товарищ Гурко, – вклинился я в паузу между абзацами, – вы не против, если я пойду вам навстречу?

– То есть? – изобразил вежливое внимание зам Столыпина.

– Наверняка ведь вами планировался какой-то результат этой встречи! Ну типа я должен заснуть, например, с громким храпом или начать биться головой о стену... вы скажите, не стесняйтесь, вдруг уже пора, а я это пропустил по душевной невнимательности?

Пока Гурко вынужден был срочно соображать – обидеться ему или рассмеяться, я продолжил:

– Разумеется, я понимаю ваши чувства – над проектом работали серьезные специалисты, а тут вдруг извольте отдать его на рецензию какой-то темной личности, которая наверняка и рожь от пшеницы отличить не сможет! Но и вы тоже поймите его величество – не каждый ведь день наследник рождается, так что последнюю неделю голова у него как минимум наполовину была забита вовсе не государственными делами. Так что он просто не очень удачно сформулировал свои мысли. Ваш проект я читал, так что знакомить меня с ним не нужно. Думаю, вы в курсе, что мое ведомство готовит пятилетний план развития науки и промышленности. Так вот, именно точки пересечения аграрной реформы с этим планом нам и предлагалось согласовать. А вовсе не суть предлагаемой вами программы, с которой, кстати, я вполне даже согласен.

– И что же вы мне этого сразу не сказали?

– Ну как можно, вы же готовились к встрече, составляли речь, думаю, даже репетировали ее, и сразу перебивать? Некрасиво.

– Из чего можно сделать вывод, что вы тоже готовились к нашей беседе, и теперь моя очередь слушать? – улыбнулся собеседник.

– Мне столько не наговорить, так что я свои соображения изложил в письменном виде, – хмыкнул я и протянул ему листок бумаги. Особой загруженностью буквами он не отличался, там было написано всего три строчки.

1) Испытательные полигоны для отработки реформы – Екатеринбург, Царицын, Нижний.

2) Синхронизация действий МВД по пресечению революционной деятельности среди имущих слоев с земельной реформой и введением УК.

3) На будущее – Госплан.

– Суть первого пункта в том, – продолжил я, что всякое новое дело обычно начинается с модели, затем идет опытная партия и только потом крупносерийное производство. В ваших бумагах не отражена последовательность проведения реформы – вот я и предлагаю начать ее с тех мест, где начали строиться крупные заводы. Наверняка ведь как по маслу все сразу не пойдет, кто-то разорится и лишится средств к существованию, а в этих регионах таких будет проще трудоустроить. Ну и вообще там нужны будут рабочие руки, которые вы все равно предполагаете высвободить. А по результатам в этих регионах можно будет и подкорректировать сам курс реформы, чтобы в масштабах России она прошла с наименьшими потрясениями.

– Понятно, – кивнул Гурко. – А второй пункт?

– Тут вот в чем дело – закон обратной силы не имеет, а существующие отличаются неуместным либерализмом. Но ведь если, скажем, преступное деяние продолжалось год и одну минуту, а с нового года был введен новый уголовный кодекс, то судить нарушителя можно будет уже по нему. Это я к наметившимся в последнее время трениям между МВД и моими службами – Петр Аркадьевич уже обижался, что они иногда притормаживают рвение его сотрудников по пресечению. Так вот, смысл этого прост: среди экстремистов немало землевладельцев, так что я по возможности стараюсь пока их не трогать, чтобы судить уже по УК, где за их художества предусмотрена конфискация. Циферку видите? Это количество десятин в центральных губерниях, предполагаемых к получению по политическим статьям, по уже выявленным лицам.

– Ого... – удивился Гурко.

– Учитывая, что процесс продолжается, цифра вполне может дойти и до «Ого-го!» – уточнил я. – Так что, может, Петр Аркадьевич сочтет эти соображения приемлемыми?

– А про третий пункт давайте я догадаюсь сам, – предложил зам премьера. – Вы хотите создать какой-то орган, чтобы он в рабочем порядке согласовывал ваши планы с нашими?

– Примерно так, – не полез в детали я.

Уже перед уходом Гурко задумчиво сказал:

– А ведь среди лиц, которых вы... э... оберегаете... (приберегаю, уточнил я), есть не только землевладельцы. И, как я сейчас начал подозревать, не только российские подданные.

– Рад, что вы затронули этот вопрос, – кивнул я. – Мне кажется, он требует вдумчивого обсуждения и хорошей подготовки. Прошу вас передать Петру Аркадьевичу мою просьбу о личной встрече по этому вопросу. Не сегодня и не завтра, пусть подготовится, дело непростое.

Дело действительно было очень непростое. Еще до войны мы начали собирать досье практически на всех иностранных предпринимателей в России. Они были условно разделены на три группы. «Полезные» – это те, сотрудничество с которыми приносит и будет приносить явную пользу. «Сомнительные» – это где имелась не только польза, но и ущерб в той или иной форме, а кто такие «Вредные» – я думаю, и так ясно. Материал на большинство из них даже не пришлось фабриковать – они и сами нарушали закон с хорошим размахом. В порядке предварительной подготовки Гоша уже несколько раз вставлял в свои речи пассажи о том, что перед законом, который превыше всего, должны быть равны все, независимо от происхождения и положения. Слово «подданство» он пока не употреблял, дабы не спугнуть. Ибо ближайшими кандидатами на приведение их деятельности в соответствие с законодательством были люди, ссора с которыми требовала очень хорошей подготовки – потому как планировалась национализация бакинских нефтепромыслов. Следующим на очереди был Донбасс. И начинать такие дела можно было только при полном взаимопонимании с премьер-министром...

Разумеется, это никак не могло быть одномоментной, разовой акцией – в этом случае провал был бы гарантирован задолго до начала. Тут требовалась сугубая постепенность.

Всю российскую нефть контролировали четыре группировки. Самой мощной была нефтяная империя Нобелей. В затылок им дышали Ротшильды. На третьем месте, судорожно мечась между обладателями двух первых, изворачивался Манташев. Грозненские прииски Его Высочества, а ныне Величества, стояли в стороне и работали не на экспорт, а на внутренний рынок, но зато практически монопольно. После долгих дебатов в качестве первой жертвы нами были выбраны Ротшильды. Это обеспечивало нам благожелательную поддержку со стороны Нобелей и, как дополнительный бонус, возможность в случае победы наложить лапу еще и на большую часть манташевских предприятий. Причем акция должна быть представлена не как часть долговременной государственной политики, а просто как конфликт Найденова с Ротшильдами. Французский отдел Танечкиной службы уже давно разработал несколько вариантов, якобы объясняющих, с чего это вдруг Найденов покатила бочку на бедных евреев с красным щитом – ибо слово «Ротшильд» было изначально не фамилией, а прозвищем, образованным от герба. В частности, в Париже был создан «Банк имени Елисейских Полей», куда я вложил довольно значительные средства, а благодаря стараниям Танечки у Ротшильдов помаленьку начинали появляться мысли, что столь плохо лежащие деньги будут лучше смотреться у более серьезных владельцев. Моим партнером по банковскому бизнесу был некто Жан Мелье – абсолютно никчемный тип с манией величия и пристрастием к кокаину, выбранный Танечкой на роль организатора и вождя Французской социал-бонапартистской партии. Она нужна была для ответов на могущие возникнуть вопросы, кто и за что стрелял в таких почтенных людей, как господина Ротшильды, например. Разумеется, столь ответственное дело, как хорошо прицелиться и нажать на спусковой крючок, этим горлопанам никто доверять не собирался. Но вот поднять радостный визг: «Это мы! Бойтесь, ибо так будет с каждым посягнувшим на святое!» – было вполне в пределах возможностей данной партии.

Ни малейших угрызений совести я не чувствовал – ибо нравы в нефтяном бизнесе при ближайшем рассмотрении оказались такими, что каждого второго можно было сразу вешать – ну, может, и не сразу, а после расстрела каждого первого. Гады Ротшильды финансировали эсеров, чтобы те учиняли теракты на нобелевских предприятиях, – я прочитал, что такое было и в нашем мире, после чего найти и зафиксировать это явление здесь удалось довольно быстро. Причем мало было им гадить в карман Нобелям – они финансировали и создание эсеровских ячеек в Грозном, что не лезло уже ни в какие ворота – ну соображать же надо, против кого выступаешь!

А бедные Нобели не нашли ничего лучше, чем материально поддержать большевиков, так что теперь небезызвестный Камо на пару с гораздо более небезызвестным Кобой не испытывали особой нужды – деньги они вложили очень разумно, в подготовку ограбления Тифлисского банка. Впрочем, это будет следующая серия грядущей драмы...

В общем, уже писались черновики гневных статей на тему о гнусной подрывной деятельности неких космополитов, не имеющих даже нормальной фамилии, уточнялся состав судов, которым предстояло вести дела. Маша обещала через пару недель тоже включиться в работу, чтобы перекачка средств, помимо тех, что попадут под конфискацию, прошла максимально эффективно. Предстояло еще уточнить вопрос, какую часть правды открыть Столыпину.

Я все больше склонялся к мысли выставить себя как профессионального борца за национальные интересы. Ведь что такое профессионал? Тот, кто умеет хорошо что-то делать? Вовсе нет, это называется специалист. Но он может иногда работать и за идею, и за чьи-нибудь красивые глаза, например. А профессионал и не чихнет бесплатно, не говоря уж о большем! Например, во Всероссийском соборе тут и Госдуме в покинутом мной мире собрались в основном профессионалы – в любви к России и ее народу. Вот и я решил изобразить из себя такого – мол, когда национальные интересы совпадают со шкурными, патриотизм так и прет. Все-таки рановато еще раскрывать премьеру стратегические цели – тем более что никакой пользы для его непосредственной работы это не принесет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.